

Алекс Савчук

Пру́тський ДЕКАМЕРОН-2

ИЛИ

Бар на колесах

Роман
в 10 новеллах
с эпиграфами

«Книга-Сэфер»
Израиль
2013



16+

Алекс Савчук

**Прутский Декамерон-2,
или Бар на колесах**

«Книга-Сэфер»

2014

Савчук А.

Прутский Декамерон-2, или Бар на колесах / А. Савчук —
«Книга-Сэфер», 2014

Роман Алекса Савчука, переносит читателя в те благословенные годы, когда автору и его друзьям было немного за 20, когда солнце было ярко, небо голубое, снег белый, вино стоило 90 копеек, хлеб 13, а любовь и виноград – только по любви. Любви и на такой короткий, но такой сладостный молдавский вечер, и на всю, как оказалось, короткую, молодость...

Продолжение предыдущей книги. Герой перешел на новую работу. Теперь он развозит молдавское вино по железной дороге по городам Советского Союза. А в пути его ждут новые встречи с прекрасным полом...

© Савчук А., 2014

© Книга-Сэфер, 2014

Содержание

Новелла первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	25
Новелла вторая	43
Глава первая	43
Глава вторая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Алекс Савчук

Прутский Декамерон-2 или Бар на колесах

Новелла первая Бар на колесах

*Таким родился я, по счастью,
и внукам гены передам;
я однолюб: с единой страстью
любил я всех попутных дам.*

Игорь Губерман

Глава первая

Трудно поверить в такое, но это случилось: я оставил работу в баре. Да, работу интересную и денежную. Вот как будто что-то надломилось в душе, поэтому просто ушел из ресторана, в котором проработал несколько лет, и где со мной произошло столько всякого и разного, — ушел и ни разу не оглянулся.

Наверное, что-то накопилось в душе, накипело, или же сказалось ощущение неудовлетворенностью жизнью вообще, или сработало мое ненормальное душевное состояние в тот конкретный период моей жизни. Возможно, также, что дали о себе знать семейные неурядицы, и мне захотелось бежать, бежать, бежать... как можно дальше из собственного дома, лишённого любви и человеческого тепла, сменив работу и заодно образ жизни; а еще, может, отчасти виновата весна... Весной я всегда немного цыган: с самого раннего возраста в это время года я отчего-то начинаю беспокоиться; при этом меня неудержимо тянет попутешествовать, уехать — все равно куда, — ну есть что-то такое в моих генах. Ко всему прочему мне остро не хватало прежних развлечений, ведь мой лучший друг и партнер по амурным мероприятиям Кондрат прозябал на службе в рядах Советской армии, а без него мне было совсем нелегко, даже в баре работать стало тоскливо и неинтересно...

Проведя несколько недель в полном бездействии, то есть в лежании на диване перед телевизором и походах между телевизором и холодильником, а также изредка встречаясь со своими приятелями, работавшими теперь проводниками виноматериалов и успевшими в этом качестве покататься по Союзу, я, наслушавшись их красочных рассказов, решил, что моей метушейся душе, вероятно, не хватает простора, и задумал подыскать себе подобную работу.

Наверное, уговаривал я сам себя, во мне назрела необходимость познакомиться и пообщаться со своей необъятной родиной поближе, повидаться с ней воочию, то есть, как сказал кто-то из наших именитых писателей — встретиться с ней лицом к лицу.

Все те же мои товарищи — новички и уже бывалые проводники, — помимо прочего, в один голос трубили, что в долгих рейсах — в районы Сибири, Севера, Дальнего востока, — можно прилично подзаработать, и это звучало вдвойне привлекательно: срубить «капусты» и при этом практически бездельничать, находясь в многодневных поездках в специально сконструированном вагоне, в довольно терпимых, по их мнению, бытовых условиях, в то же самое время, оставаясь почти независимым, в известном смысле, конечно, практически от всех: от опосты-

левших оков семейных, от нудных начальничков, прилипчивых комсомольских и партийный работников и т. д., – да мало ли их, сидящих на нашей шее, а кому, скажите, мы не обязаны?

В нашем городе имелся достаточно широкий выбор работ проводником; были такие места работы и поездки:

а). От консервного завода – развозить консервированные фрукты и овощи, тушенку, соки. В стеклянной банке и жестяной банке. Куда? – да почти вся территория нашей необъятной родины.

б). От завода вторичного виноделия объединения Сельхозпром – бутылочное вино, география поездок также достаточно обширная;

в). От винзавода первичного виноделия – вино разливное, в цистернах.

Последний вариант считался предпочтительным: хлопот и забот меньше, а доходу, как говорили опытные люди, больше; поездки, опять-таки, практически по всей стране.

У каждой из этих работ была своя специфика и свои особенности, но более всего меня бы устроил третий вариант, решил я.

Итак, сделав выбор, я стал действовать. И решил идти не по линии блата и знакомств, что было бы вполне логично в наше время, а просто вместе со своим товарищем Игорем Жердиным, который также как и я оказался безработным, наудачу отправился эту самую работу искать.

Чтобы добиться поставленной цели, нам с Игорем приходилось день ото дня подниматься с постели необычайно рано, часов эдак в шесть, садиться в его раздолбанный «жигуленок» третьей модели, и отправляться на какой-нибудь из винзаводов, расположенных на юге или в центре МССР, в поисках свободных вакансий. На винзавод, расположенный в нашем городе, устроиться пока не было никакой реальной возможности: во-первых, там нам ясно объяснили, что в ближайшее время им проводники не потребуются – и так, мол, перебор, и скоро, мол, по каким-то там причинам предстоит сокращение штатов; во-вторых, рейсы от нашей базы считались не очень удачными, а, значит, и менее доходными, чем в других местах; а в-третьих, замдиректора по кадрам, который эти самые кадры на работу принимал, в ближайшие две-три недели еще находился в отпуске, а без него, как вы сами понимаете, никакие кадровые вопросы не решались.

Таким образом, объехав весь юг, а также и центр Молдавии, и нигде не добившись успеха – уже было очевидно, что все хапуги, бездельники, алиментщики, романтики, а также предприимчивые люди, раскусив, что работа проводника выгодная, и при этом не слишком пыльная, бросились на нее устраиваться, – мы вернулись к идее дожидаться вакансий в родном городе, пусть даже не теперь, а через какое-то время, ведь работать рядом с домом нам все же было бы проще и спокойнее.

Теперь, как бы компенсируя себе время, впустую затраченное на поиски работы, мы с Игорем до полудня отсыпались по своим квартирам, затем, созваниваясь, встречались в ресторане, обедали, после чего без определенной цели слонялись по городу, а ближе к вечеру прибывали к какой-нибудь компании, где играли в триньку – эту незамысловатую карточную игру на деньги, так полюбившуюся местным населением.

Хотя мы и играли с Игорем и Володей – третьим нашим товарищем по кличке Граф, «на одну руку» и, что называется «на один карман», – и при этом за несколько последних лет, как вы понимаете, научились понимать друг друга не только с полуслова, но с полувзгляда, – и тут нам тоже не особенно везло: мы умудрились за две последние недели проиграть и пропить из нашей общей кассы последние полторы тысячи рублей, в результате чего оказались на краю финансовой пропасти.

И вот, в одно раннее и не слишком прекрасное утро (из-за очередного карточного проигрыша, после которого мы натурально остались без копейки) мы с Игорем, решив действовать, – что в данном случае означало отбирать у должников свои кровные деньги, – приехали

к третьему нашему товарищу – Графу, и постучали в дверь комнаты общежития городского узла связи, где он ночевал у своей подруги. После минутного ожидания мы услышали из-за двери голос Володи:

– Кто там?

– Вова, открой, это я, Игорь, – нетерпеливо проговорил мой товарищ.

– А почему Вова, а не гандон? – удивленно спросил из-за двери Володя, вероятно, сильно озадаченный тем, что его лучший друг впервые за многие годы назвал его по имени.

– Потому, что дело серьезное, гандон! – вскричал Игорь.

– Так бы сразу и сказал, – раздалось за дверью, и мы с Игорем, не сдержавшись, расхохотались.

Спустя несколько минут заспанный Граф, надевая на ходу пиджак, вышел в коридор, и мы, дружно закулив, принялись при скудном утреннем освещении, льющемся из мутного, много лет не мытого коридорного окна, изучать блокнот со списком моих личных должников, который на текущий момент в некотором роде заменял мне сберегательную книжку. Дело было в том, что за годы моей работы в баре этот блокнот наполнился многими десятками имен, при этом суммарный долг этих людей составил восемь с лишним тысяч рублей, что, между прочим, равнялось стоимости нового автомобиля. И вот теперь, изучив данный список, мы надеялись – да и необходимость этого настоятельно требовала, – уменьшить его путем выбивания долгов, чтобы вернуть, таким образом, хотя бы какую-то часть этой суммы.

А на дворе, попутно замечу, стоял май 1982 года.

Итак, мы наметили план мероприятий и, не откладывая дела в долгий ящик, приступили к его реализации.

Еще не было и семи утра, когда мы приехали к дому одного из самых бессовестных должников, который «висел» нам шесть сотен за карточный долг, и еще по бару числился в полторы сотни, всего – 750 «рябчиков».

На стук дверь нам открыл сам должник, которого звали Дмитрий, и я, ни слова не говоря, шагнув ему навстречу, впихнул обратно в дом, а ребята вошли следом. Супруга Дмитрия, молоденькая худощавая женщина, выскочившая на шум из спальни в одной ночной рубашке, засуетилась, бегая перед нами и умоляя оставить ее мужа в покое. Однако мы расселись на кухне и сказали им, что уйдем отсюда только тогда, когда получим наши деньги назад. В квартире, как вскоре выяснилось, кроме хозяев находился еще один человек – брат Дмитрия, спавший во второй из комнат; разбуженный шумом, он оделся и вышел к нам, как выяснилось спустя пять минут, для проведения переговоров.

Через четверть часа, после нескольких увесистых Игоревых подзатыльников Дмитрию, поначалу не поверившему в серьезность наших требований, а также обещания Игоря, что он заберет его жену «в рабство» на год (при этом Жердь оглядел ее оценивающим плотоядным взглядом и довольно поцокал языком), если вопрос не решится в самые ближайшие дни, мы стали разговаривать уже по существу дела с одним лишь Григорием, братом Дмитрия, оказавшимся гораздо более рассудительным и толковым.

Григорий совсем недавно вернулся с Севера, где уже несколько лет находился на заработках и успел познакомиться с тамошними суровыми, но зачастую справедливыми законами и порядками. От него мы получили заверения, что через три дня необходимая сумма будет возвращена, он, мол, снимет деньги со своего счета в банке. Мы вышли из этого дома, не затратив много времени на переговоры и, решив «ковать железо, пока горячо», отправились к дому следующего «клиента».

По дороге, едва отъехав – какая удача! – мы встретили знакомую мне семейную пару: мужика звали Степаном, его жену – Лидией. Степен «висел» мне 50 рублей (он одолжил их, спаивая у меня в баре какую-то малолетку, которую собирался снять на ночь, и с тех пор, хотя прошло уже около года, деньги не возвращал).

Я выскочил из машины, подошел к супругам и, отозвав Степана в сторону, потребовал вернуть деньги. Он стал что-то бормотать насчет того, что у него через неделю зарплата, рассчитаемся, мол, но я напомнил ему, что эта история тянется уже около года, и сказал строго: «расчет здесь и сейчас!» Его жена, с которой я был немного знаком, подошла и стала расспрашивать меня, в чем дело, но я не стал ей пересказывать историю долга ее мужа, решив, что у него это лучше получится – навесить ей на уши какой-нибудь ерунды в форме душещипательного рассказа, поэтому отошел в сторону. Он и наболтал ей буквально в считанные секунды кучу ужасиков, а конец рассказа украсил брошенной мною минутой ранее фразой: «Если до вечера денег не отдашь, знай, завтра же мы тебя отловим и коллективно трахнем».

Внимательно выслушав мужа, жена Степана подозвала меня, достала кошелек и, отдавая за него долг, вполне серьезным тоном заявила:

– Савва, я убедительно прошу тебя не трахать моего мужа и в долг ему никогда больше не давать.

Я торжественно пообещал.

Вот такими методами мы и действовали с товарищами моими Жердем и Князем в течение нескольких последующих дней, в результате чего в нашу пустую до этих пор кассу поступило от должников примерно половина списочного долга, – почти четыре тысячи рублей. Не слишком много, конечно, но зато теперь, по крайней мере, у нас было, на что покупать бензин для автомашины, обедать в ресторане и вступать в карточные игры.

Впрочем, за всеми этими делами мы не забывали и о главном – об устройстве на работу, и вот однажды утром, надеясь, что оно для нас окажется действительно добрым, мы с Игорем отправились на винзавод, чтобы первыми застать заместителя директора, выходявшего сегодня на работу после отпуска.

У нас вновь появились некоторые надежды на вакансии в связи с тем, что за это время кто-то из ранее работавших проводников, по нашим предположениям, мог уволиться, кто-то заболеть, а кого-то, как мы слышали, выгнали то ли за пьянку, то ли за воровство, или еще за какие-то там прегрешения.

С опаской входил я в кабинет чиновника, только что вернувшегося после отпуска на работу, которого могли раздражать все кто угодно, а тем более посетители, с первого дня беспокоящие его по делу. Однако начальник, грузный и краснолицый самодовольный мужчина лет пятидесяти, с солидным брюшком, судя по всему, был благодушно настроен, задал мне несколько дежурных вопросов: «Пьете?», «Были ли судимости?», получил на них отрицательные ответы и завизировал заявление, приписав внизу резюме: «На усмотрение начальника сбыта».

В следующем кабинете, куда я вошел, сидел «наш человек» – Алик Наумович Песков, как его тут называли, для своих же собратьев – Евреев его имя звучало Цалик Буюмович Песок, начальник отдела сбыта, о котором я знал лишь то, что он работник принципиальный и строгий, и, что давало мне весьма призрачную надежду на благополучный исход моего дела, был отцом моего бывшего одноклассника и школьного товарища Миши.

Начальник сбыта заботливо, почти по-отечески расспросил меня о здоровье, семье, о родителях и, как бы невзначай – о предыдущей работе. Врать не было смысла, моя трудовая книжка лежала перед ним на столе, и я сказал честно, предполагая, что его, чистокровного еврея и добропорядочного семьянина, никак не причислишь к постоянным посетителям ресторанов:

– Раньше я работал барменом в ресторане.

– А теперь, значит, хотите вино возить? – не поднимая на меня глаз, тусклым голосом спросил он.

– Да, если это возможно, – пробубнил я, лихорадочно ища подвоха в этих безвинных на первый взгляд словах.

– Конечно, я вас понимаю, – все тем же голосом продолжал он, после чего поднял на меня глаза и воскликнул фальцетом: – Бар на колесах! Вот что вас интересует, молодой человек, не правда ли?

Я промолчал, подавленный, потому что понял, что вслед за этим уже совершенно определенно последует отказ.

Теперь мне уже показалось довольно неуместным напоминать ему о том, что мы с его сыном учились в одном классе. Алик Наумович тем временем начертал что-то в заявлении и протянул мне листок:

– Иди, оформляйся. Первый рейс – испытательный!

Я, боясь выказать свою радость, еле слышно поблагодарил его и поплелся к дверям, но, едва открыв ее, не сдержался и с восторгом вылетел из кабинета, чуть не наскочив на стоявшего за ней моего товарища Игоря.

– Ни пуха тебе, братан!.. – сказал я ему, указав на заявление в его руках.

– Пошел на хер! – оскалился он и толкнул дверь.

Нестандартный ответ на мое «ни пуха», не помешал Игорю тоже получить «добро», и часом позже мы оба были оформлены на работу, а еще через неделю нам были назначены первые рейсы: я отправлялся в Мытищи, что под Москвой, а Игорь – на Тулу.

Всю последующую неделю мы с друзьями предавались безудержному разгулу и пьянству, а перед самым рейсом я, прилично поиздержавшись, набрался нахальства, и, зайдя в кабинет к Алику Наумовичу, попросил выдать мне аванс, мотивируя просьбу тем, что зарплату мы получим не ранее, чем через месяц, то есть лишь по возвращению из рейса.

– Вы что, товарищ проводник, воду в своих цистернах повезете? – спросил меня Алик Наумович ворчливо с непередаваемым местечковым акцентом. – На хлеб вы себе по дороге заработаете. – И, легко перейдя на «ты», добавил: – Иди, иди, свободен.

Моим напарником в первом рейсе стал Коля Петру, с которым я прежде был немного знаком. Он был моим сверстником, сложением весьма худ, при этом казался даже изможденным, зато был бодр сердцем и красив душой; в общем, по всем параметрам замечательный парень.

Получив необходимые документы и отбыв с ними на железнодорожную товарную станцию, мы приняли под свою материальную ответственность два вагона: один из них – «спец», так называемый ледник, второй назывался просто «бандура». В спецу, как полагается, имелся жилой отсек для проводников – купе, и по обе стороны от него располагаются цистерны 14-тонники. Вторым вагоном была всем знакомая железнодорожная цистерна, или в простонародье бочка, на которых обычно красуются надписи: «нефть», «бензин», «спирт» и «вино». По-нашему, среди проводников, эта цистерна называется «бандура» и имеет объем около 60 тонн. То есть вина мы должны были загрузить: 14+14+60, итого = приблизительно 84 тонны.

Когда на станцию прибыли первые автоцистерны с вином, отгружаемые винзаводом, мы получили сопроводительные накладные, в которых говорилось, что нам предстоит оприходовать и сопровождать сухое вино. Разочарование отразилось на наших лицах: это был крах всех наших с Николаем надежд, потому что в городе Мытищи, куда большинство проводников просто обожают ездить, с сухим вином делать было попросту нечего.

Городок Мытищи, пригород Москвы, был хорош для нашего брата-проводника сразу по нескольким причинам: добираться туда было сравнительно недолго, всего неделя пути, а порой и меньше, зато стоять – до выгрузки – приходилось по месяцу и более, и вина за это время можно было продать любое количество, а главное, рядом, под боком – Москва, цивилизация, зона развитого социализма, магазины полны продуктов и разнообразнейших товаров, – благодать, одним словом. Вот только была во всем этом одна маленькая загвоздка: сухое вино в Москве, хоть убей, спросом не пользовалось.

Зато, по иронии судьбы, масса желающих на наше сухое вино объявилась тут же, на станции, ведь местные жители понимают, в отличие от прочих, вкус сухих вин; повезло еще, что

майские праздники уже миновали, а в праздничном календаре остался лишь последний из них – день пионерии, 19 мая.

Родственники Николая – близкие, дальние и даже совсем ему неизвестные прежде, а также наши с ним друзья, соседи, знакомые, знакомые знакомых, бывшие одноклассники и сокурсники, шофера от нашей же фирмы и от многих других, коллеги-проводники, и просто незнакомые люди шли, шли и шли к вагону, как посетители к мавзолею Ленина, и просили, умоляли, требовали: вина, вина, вина... Тому надо было всего полсотни литров на свадьбу, другому 30 литров на поминки, у третьего ожидалось прибавление в семействе... и так без конца. По моим самым скромным подсчетам, мы в течение двух дней раздали около тонны вина. Просто так, не заработав на этом ни копейки. Еще даже не тронувшись с места. Я с легким ужасом поглядывал на своего невозмутимого напарника Николая, но тот не проявлял признаков беспокойства, и мне тоже пришлось смириться: будь что будет!

Вечером третьего дня погрузка была закончена, нам выдали на руки сопроводительные документы, которые мы должны были представить принимающей стороне, то есть заводу-получателю, а спустя еще два часа мы с Николаем прибыли с личными вещами на станцию, так как отправка была назначена на полночь.

С удивлением и интересом я разглядывал принесенные моим напарником непонятные мне пока приспособления, с помощью которых нам предстояло делать деньги: набор шлангов разной толщины общей длиной около 50 метров, ручной насос размером с небольшое ведро, пятилитровая канистра со спиртом, шприцы (?!), кислородные подушки, а также пакеты, в которых было по несколько килограммов сахара и сахарина. Я был весьма удивлен специфическим подбором этих вещей, так как в предыдущей своей работе обходился одной лишь мензуркой. Кстати, все вышеперечисленные предметы в нашей работе были абсолютно незаконны – начальник сбыта строго и неоднократно об этом предупреждал. Но Коля хладнокровно и старательно рассовал их по сумкам, предварительно небрежно вывалив из них наши личные вещи в целлофановый мешок. Я глядел на своего напарника с легким страхом и одновременно с восторгом – в эту минуту он был похож на мага или чародея, который с помощью всей этой ерунды собирался делать деньги, и деньги довольно приличные, как уверенно заявил он.

Но мне недолго пришлось пребывать в эйфории от предстоящего, так как я тут же получил первое задание – я должен был научиться снимать и вставлять проволоку в свинцовые пломбы, не нарушая последних, и я со всей ответственностью принялся за дело.

Сутки наш состав добирался до ближайшей крупной станции – Бессарабской, где кроме прочих продуктов – каш, макарон, свежих овощей и мясной тушенки мы закупили несколько буханок вкуснейшего хлеба местного производства. Тем временем, пока мы отсутствовали в вагоне, бегая по магазинам, железнодорожники по просьбе Николая залили воду в умывальник нашего купе, а также в емкости для льда, что расположены на крыше вагона. Итого, за полторы тонны воды они с нас взяли стандартную плату – ведро вина. Вода эта была нам нужна как для личных, бытовых нужд, так и для того, чтобы, залив ее в цистерну вместо вина, ликвидировать уже имеющийся дефицит в одну тонну, не говоря уже о том, что в перспективе хотелось заработать и на хлеб, как сказал начальник сбыта.

В дороге, особенно если ехать товарняком, довольно скоро наступает скукота, так как время тянется невыносимо медленно, поэтому мы с Николаем заполняли его общепринятым способом: рассказывая друг другу всевозможные истории – иногда настоящие, а по большей части выдуманные, так называемые байки. Речь в них шла преимущественно о женщинах, но нередко мы говорили также о предстоящей работе, и Николай рассказал несколько случаев, когда проводникам – его знакомым – удавалось сделать приличные деньги за один–Единственный рейс: от одной до пяти-шести тысяч рублей на двоих в месячный срок, и еще считалось, что это не предел.

Надо сказать, что все эти истории звучали весьма заманчиво и привлекательно, но нам после этих разговоров оставалось лишь сокрушенно вздыхать, так как, к сожалению, в нашем конкретном случае было совершенно нереально вообще что-либо заработать (не зря ведь бывалые проводники перед рейсом высказали нам свои соболезнования), потому что в Мытищах, куда мы направлялись, зачастую одновременно стоят по несколько десятков «спецов», да еще каждый с прицепом, а то и с двумя, а это сотни и сотни тонн крепленого вина на любой алкогольный вкус: портвейн белый, портвейн красный, портвейн розовый, а для любителей крепких напитков бывал там даже коньяк. Так что с сухим вином нам там ничего не светило, оно, повторюсь, хоть лопни, но спросом не пользовалось.

Глава вторая

Бескудниково-«паскудниково».

Шесть долгих суток мы провели в дороге, пока, наконец, одним ранним весенним утром нашему взгляду не открылись пока еще далекие шпили высотных зданий Москвы, а в окне не замелькали платформы пригородных поездов. На этих платформах в часы пик можно было наблюдать сотни людей, граждан нашей великой родины, переминавшихся с ноги на ногу в ожидании электричек, и при этом зябко кутающихся в плащи, куртки и прочую верхнюю одежду. Николай, кивнув на медленно проплывавшую мимо нас очередную платформу, спросил, усмехнувшись:

– А знаешь как Валера Карпин, наш знаменитый проводник, в дороге развлекается?

– Нет, – ответил я, мгновенно выказывая заинтересованность.

– Проезжая мимо платформ, он открывает двери и выставляет в нее на всеобщее обозрение свою оголенную задницу.

– Что ж, – усмехнулся я. – Этим он развлекает не только себя, но и людей, скрашивая им неприятности долгого ожидания. А теперь, – перебил я сам себя, – скажи, Николай, не пора ли нам позавтракать?

Мой напарник подумал немного, затем кивнул.

С первых же дней пути у нас сложилось так, что приготовлением пищи занимался исключительно я, так как Николая это совсем не интересовало, он мог довольствоваться малым – бутербродом со стаканом чая или бутылкой кефира с булкой. Поначалу мне было трудно готовить на плите, которую мы топили дровами и углем, меня раздражало то, что она была слишком мала, в одну конфорку, и при этом каждый раз ее требовалось растапливать по новой, а затем еще подолгу ждать, пока еда приготовится, потому что поезд в пути обыкновенно потрясывает и кастрюля или казанок ездят по плите, как им вздумается. Но вскоре я привык и приспособился, и мне даже стало нравиться возиться с готовкой, так как время за этим бежало быстрее. Я разводил в плите огонь с помощью дровишек, затем подбрасывал угля, специального, долго-пламенного, после чего устанавливал на нее кастрюлю, казанок, или же сковороду. Затем обкладывал посуду кирпичами по кругу, чтобы она не ерзала по плите. Когда картофель, макароны, или какая-либо из каш были готовы, мы обыкновенно выворачивали в казанок или кастрюлю банку мясной тушенки, и обед был готов. А пока еда готовилась, я, не теряя времени, упражнялся с пломбами, подойдя к этому делу с полной серьезностью и ответственностью.

Забегая вперед, спешу похвастать: и тут я достиг неплохих успехов. К примеру, спустя несколько месяцев, когда мне вновь, в одном из последующих рейсов, пришлось побывать в Мытищах, и знакомые мне ребята из города Рени стали плакаться, что у них назавтра изымут пломбы на экспертизу с передачей в московскую экспертную лабораторию, я взялся им помочь. На основании экспертизы, как предполагали ребята, дело будет передано в суд, то есть, таким образом будет установлено, что имелся факт воровства вина в количестве двух или трех тонн. Итак, я как мог, успокоил ребят и взялся за дело. Часа три я колдовал над их пломбами и закончил эту работу, честно говоря, будучи не слишком уверенным в успехе, о чем откровенно и заявил ребятам. Однако экспертиза, проведенная на следующий день в специальной столичной лаборатории, установила, что вскрытия пломб не было! То есть, ребята, благодаря мне, не только не попали под суд, но даже остались на своей прежней работе, так как факт воровства не был установлен. Короче, не пойман, не вор. Это был, можно сказать, мой весьма удачный экзамен на профессионализм, хотя и незаконный, то есть со знаком минус.

Первая крупная станция в районе большой Москвы, где наш состав был поставлен под разборку, называлась Бескудниково. То есть все составы, прибывающие на эту станцию, разбирались на одиночные вагоны, а затем, согласно местам назначения, сортировались в новые. Здесь же мы планировали начать продажу вина – все предыдущие станции на территории МССР и УССР наши проводники игнорировали, так как вино в этих республиках продавалось плохо, к тому же тамошние жители торговались, норовя купить его подешевле, да и местная милиция следила за этим делом строго.

Итак, Николай, завидев купола золотоголовые, стал готовиться к встрече со столицей весьма своеобразным способом: он, попутно объясняя мне, что к чему, скачал с помощью насоса необходимое количество вина из цистерны в молочную флягу, затем бросил туда горсть таблеток сахарины и, размешав, подкрасил жженым сахаром. В результате чего во фляге получился напиток, чем-то напоминающий портвейн – он был сладким, коньячного цвета, даже, по моему, вкусным, но, конечно, недостаточно – особенно по сравнению с оригинальным вином, – крепким, то есть крепость портвейна 16–18 % была почти вдвое выше.

Едва мы появились на станции, как к вагону потянулись первые клиенты – станционные работники, которые к этому времени закончили первую смену и торопились после рабочего дня набрать «кондицию». Стандартной посудой продажи в розлив – и это по всей территории страны – являлась пол-литровая банка, а стоимость ее составляла один рубль пятьдесят копеек, один литр, соответственно, стоил три рубля. Железнодорожники протягивали деньги, пили наше вино, некоторые морщились – ведь здесь, на станции, проводники нередко наливали им неразбавленный крепляк, и они неплохо разбирались в его вкусе. Мы успели продать чуть больше 30 литров нашей «бодяги» и положить в кассу первую сотню рублей, когда у вагона возник милиционер. Он, на первый взгляд, был какого-то карикатурного типа: небольшого росточка, форма висела на нем мешком, а большая шаровидная голова представителя правоохранительных органов смешно балансировала на тонкой шее, но на боку у милиционера был прицеплен настоящий пистолет в кобуре, а на плечевом ремне, пропущенном под погоном с тремя нашивками, крепилась рация размеров столь внушительных, что за него становилось попросту боязно, как бы она в какой-то момент не перевесила и не свалила милиционера наземь.

Мы с Николаем при виде представителя власти одновременно отобразили на наших физиономиях равнодушие и скуку, и прыгнули из вагона на щебень путей – якобы с целью размяться.

Сержант подошел, представился и спросил строго:

– Кто такие и откуда будете?

– Проводники мы, – лениво ответил я. – Из Молдавии.

– Вино везете?

– Так точно, вино, – бодро ответил Николай. – Но некондиционное.

– Что это значит? – Милиционер был собран, серьезен и неулыбчив.

– Это значит, что пить его нельзя, это – полуфабрикат, так себе, невкусное кислое пойло, – объяснил Николай.

– Ну, хорошо, – смягчился милиционер, – я вижу, что вы нормальные парни. Только все же смотрите, с посторонними тут не общайтесь и вино на станции не продавайте. С минуты на минуту здесь начнется рейд: пару часов назад неподалеку отсюда на путях, – сержант указал рукой направление, – нашли раздавленного в фарш солдата, а целого в нем осталось – только рука с зажатым в ладони трояком. И все. По всей видимости, парень за вином спешил, да так и не успел, поэтому наши будут теперь злобствовать. Так что гоните в шею алкашей, а заодно и этих... ну, девок легкого поведения.

– Каких-каких девок? – не понял я, ошарашенный и весьма огорошенный его рассказом о погибшем солдате.

(Оказывается, помимо «романтики», в нашей работе случаются и такие вот ужасные вещи).

– Девушек легкого поведения, бл*й, то есть, – уточнил сержант.

– А что, здесь и такие бывают? – спросил я удивленно.

– Да, бывают, – ответил защитник правопорядка, – причем сколько угодно.

– Так где же они? – вновь спросил я, опасливо озираясь по сторонам. – Покажите, командир, с какой стороны нам следует опасаться их приближения.

– Я могу вам показать место, где они собираются, – не меняя тона, сказал находчивый сержант. – Если хотите, мы прямо сейчас туда вместе сходим.

Мы с Коляном, уже неделю запертые в вагоне и от того ужасно соскучившиеся по женскому обществу, закрыв «спец» на внушительного размера висячий замок, вприпрыжку поспешили за маленьким сержантом, который шел довольно быстро и уверенно пересекал пути, бесстрашно пролезая, когда это было необходимо, под вагонами.

Когда закончились пути со стоящими на них вагонами, показался заросший бурьянами пустырь, посреди которого, метрах в ста от себя, мы увидели площадку, заваленную изломанными бетонными конструкциями и окруженную прорванной во многих местах сеточной оградой.

– Вот здесь, на бывшей танцплощадке и собираются эти социально опасные элементы, – сообщил нам милиционер, ловко пробираясь за ограждение. – Слышь вон, на гитаре балуются.

Обойдя одну из конструкций непонятного предназначения, мы увидели на небольшом, свободном от бетона пространстве, две деревянные парковые скамейки, стоявшие одна напротив другой. На них в настоящий момент располагалась целая группа молодежи: три девушки и четверо ребят. Один из парней играл на гитаре, остальные нестройно ему подпевали.

– Вот оно, это место! – вполголоса произнес сержант. – Будьте поосторожнее с ними!

– Спасибо за помощь, товарищ сержант! – сказал я ему, и чуть не добавил «можете идти», но вовремя спохватился: – Вы, наверное, торопитесь, поэтому мы не смеем вас больше задерживать.

Сержант пожелал нам удачи, повернулся и ушел той же дорогой, откуда мы только что пришли. Обитатели разбитой танцплощадки не обратили на нас внимания, а мы с Николаем некоторое время стояли и раздумывали, подойти к ним или нет. Спустя несколько минут, когда милиционер полностью исчез из видимости, самый молодой из парней встал со своего места и ленивой походкой направился к нам.

– Вы кто такие будете, ребята? – спросил он.

– Не видишь что ли, дружинники мы! – еле сохраняя серьезный вид, ответил я, одновременно с интересом разглядывая девушек, которые мне показались довольно привлекательными.

– Эй, а где же ваши повязки? – шутливо выкрикнула одна из них.

– У меня лично она на плавках, – в том же тоне ответил я и направился к компании.

– Ну, тогда иди к нам, присоединяйся! – поняв и приняв шутку, пригласила девушка. Это была высокая и стройная девица с длинными, спускавшимися ниже лопаток распущенными русыми волосами, явно самая юная из присутствующих, – на вид ей было не более 17 лет. Мы с Николаем подошли, поздоровались и присели на бетонную плиту вблизи скамеек.

– Ну что, скинемся? – лениво спросил один из сидевших, спортивного вида парень, настоящий гигант ростом под два метра и весом не менее центнера – я рядом с ним со своими нехилыми габаритами средневеса выглядел, наверное, щенком.

– Ну, давай, – согласились остальные, и пустая пачка из-под сигарет «Ява» пошла по кругу, наполняясь мелочью.

– Семь с полтиной, – объявила малолетка, высыпав деньги на ладонь и ловко пересчитав их.

– На что собираем, если не секрет? – поинтересовался я, вставая со своего места.

– На банку вина, – ответила девушка, и тут же кто-то спросил ее: – Сколько не хватает, Яна?

– Еще два пятьдесят и будет десятка, как раз на полную потянет, – ответила она.

– И где же эти самые банки наливают? – невинным тоном спросил я, доставая три рубля и вкладывая Яне в ладошку.

– А вот пойдем вместе, я тебе покажу, – пригласила она, и я согласно кивнул.

– Колян, – шепнул я напарнику. – Мы с девушкой прогуляемся до ближайшего вагона, а ты посиди пока здесь, с народом пообщайся, приглядишься, что и как.

– Хорошо, – отозвался Николай. Он, постелив под брюки найденный тут же лист пороллона, с удобством расположился на бетонной плите и стал вслушиваться в незамысловатую полублатную мелодию, которую выдавал гитарист. Ну, а мы с Яночкой отправились напрямик к вагонам. Миновав несколько путей, мы вскоре добрались до одного из ближайших «спецов», который был почти точной копией нашего, только его окраска была чуть свежее. Дверь в вагон была немного приоткрыта, и мы постучали.

Яна стояла, поставив одну ногу, одетую в босоножку, на ступеньку вагона, на щиколотке ее блеснула тонкая золотая цепочка, которая привлекла мое внимание.

– Это для чего, Яночка? – спросил я, указывая на цепочку.

– А... это, – смущенно улыбнувшись, ответила девушка. – Не знаю. Так теперь носят, говорят, модно.

Дверь вагона приоткрылась еще немного, и из-за нее показалась небритая физиономия:

– Сколько вам?

Судя по форме лица и акценту, проводник был из наших, из Молдавии.

– Вот, дайте нам банку, – сказала Яна и протянула деньги.

– А где я вам банку возьму? Со своей надо приходиться, – обнажая в ухмылке желтые прокуренные зубы, ворчливо проговорил хозяин вагона; при этом он плотоядно разглядывал Яну сквозь прищуренные щелки глаз.

– Дай нам две банки, земляк, – сказал я по-молдавски, – и не разбавляй.

– А я и не разбавляю, – растерявшись, сказал проводник тоже по-молдавски, затем, оглядев меня удивленно, скрылся внутри вагона. Секундой позднее в дверях вместо него возникла нечесаная женщина в халате, скорее всего жена проводника, так как была примерно одного с ним возраста – лет сорока с хвостиком.

– Кто ты? – спросила она по-молдавски. – Откуда?

– Свой я, – ответил я. – Проводник. Только я везу сухое вино, а мне сейчас нужно крепкое.

– Сейчас, сейчас, – засуетился показавшийся в проеме двери хозяин и, улыбаясь, подал нам две полные банки портвейна.

– Дай нам взамен второй банки сухого, – попросила хозяйка, отсчитывая протянутые Яной деньги, – мы на крепкое уже смотреть не можем, за сухим соскучились.

Разговор по-прежнему велся на молдавском, при этом Яночка, ничего не понимая, только переводила взгляд с одного говорившего на другого.

– Вон там! – указал я пальцем направление, – метрах в ста отсюда, стоит мой «спец» с зелеными дверями, последние цифры 36. Я сейчас туда напарника отправлю, он будет в курсе и рассчитается с вами. Минут через двадцать приходите, не прогадаете, или, если хотите, он сам к вам придет.

– Хорошо, – отозвался земляк, – надеюсь, не обманешь?

– А смысл? – ответил я, – у меня его сто тонн, а продать сухое, как ты знаешь, проблема.

Земляк согласно покачал головой. Я поблагодарил его, подал Яне одну банку, сам взял в руки вторую, и мы тронулись в путь.

– Крышек нет, извини, земляк, – с сожалением в голосе крикнул нам вдогонку проводник.

– Друм бун! – крикнул я ему в ответ. «Доброго пути!».

Яна, заметно приободрившаяся от двойного количества приобретенного нами вина, шла быстро, на ходу расспрашивая меня:

– А ты, значит, тоже молдаванин?

– Да. Можно и так сказать, – неопределенно ответил я.

– А кем ты работаешь?

– Я эксперт по винам, – соврал я.

– А-а-а, тогда понятно.

Когда мы достигли конечной точки нашего пути, Яна поставила перед своими товарищами банку и с гордостью сказала: «Вот!»; я со скромным видом устроил вторую банку рядом с первой.

Ребята повеселели, зашевелились, начали доставать откуда-то из-под бетонных обломков захватанные, все в пятнах и потеках стаканы, а я шепнул Николаю, что кому-то из нас необходимо сбегать к вагону и рассчитаться с земляками.

– Я пойду! – сказал он, поднимаясь со своего места. – Как старший проводник. Заодно проверю, как там дела. А ты, если вдруг потеряешься, не забудь, наш адрес – Мытищи. Если вагон не сможешь разыскать, возьми такси и дуй напрямик туда.

– Возвращайся, – сказал я. – Все равно у ментов рейд, не стоит в вагоне торчать, глаза мозолить.

– Да я посижу в вагоне хотя бы для того, чтобы цистерны не вскрыли, – сказал Николай.

– Если получится забрать с собой хоть одну из девушек, – шепнул я напарнику, – я тебе ее приведу.

– Нет, эти, я думаю, в вагон не пойдут, – с сомнением в голосе сказал Николай и исчез в темноте.

Под глуховатый звон наполненных стаканов я познакомился с остальными членами компании. Высокий атлет оказался членом сборной Москвы и молодежной Союза по водному поло, звали его Андрей; красавца-брюнета, игравшего на гитаре – Славой, третьего парня, ничем особо не примечательного – Игорем, а четвертый, пока мы с Яной ходили за вином, ушел домой, из-за чего остался для меня безымянным. Несколько полноватую, или, точнее сказать, рельефно сложенную девушку, сидевшую рядом с гитаристом, звали Лариса, а последнюю из трех девушек – Еленой. Она – Елена – была заметно старше Ларисы и Яночки, позже она сама сказала мне, что ей 26, зато от своих подруг она отличалась изящным сложением и красивым с утонченными чертами интеллигентки лицом. Судя по ее разговору и манерам, она была, в отличие от всех прочих, весьма развита и начитанна. Казалось, она случайно забрела сюда, на танцплощадку, и к остальным, собравшимся здесь, никакого отношения не имеет. Мне даже в какое-то мгновение почудилось, что я уже где-то встречал Елену раньше, но, подумав немного, отбросил эту мысль – мало ли в мире похожих людей, вот и она похожа на кого-то...

– Это что, портвейн? – спросил Игорь, сделав первый глоток из своего стакана.

– Портвейн, портвейн, – подтвердил я и, указывая на Андрея, шутливо продекламировал: – Будешь пить портвейна сок, будешь строен и высок.

Все рассмеялись и выпили.

Я наливал (привычное дело), стаканы ходили по кругу, и мне, стиснув зубы, тоже пришлось пить эту бодягу, называемую вином, которое изготавливают из смеси плохого качества спирта, плохо отфильтрованного или же бракованного вина, воды и пищевой краски. Портвейн обжигал горло, и я подумал с усмешкой: «Сам же попросил не разбавлять, а жаль – с водой он гораздо легче пьется». Наполняя стаканы по третьему кругу, я заметил, что присутствующие пьянеют буквально на глазах, причем парни гораздо быстрее девушек.

«Наверное, это вино у них, как мы выражаемся, наложилось на вчерашние дрожжи» – подумал я, пропуская свою очередь, на что, впрочем, никто внимания не обратил. К тому времени, когда мы опустошили вторую банку, даже Андрюша – ватерполист, был близок к «ауту», не говоря уже об остальных.

Незаметно наступил вечер, сумерки опустились на окрестности, однако свет мощных фонарей, падающий на танцплощадку с прожекторной вышки, расположенной неподалеку, достаточно хорошо освещал место нашего базирования. Мы спели хором несколько песен под гитару; затем Лариса, подсев ко мне, стала расспрашивать о молдавских ансамблях и о солистах, так как Яна, видимо, уже успела шепнуть ребятам, что я из Молдавии. При этом, кстати сказать, мои собеседники проявили такие солидные познания о музыкальных новинках, в том числе молдавских, легко перечисляя названия групп, а также имена и фамилии музыкантов, что мне оставалось только помалкивать или поддакивать, слушая их, – сам я, к своему стыду, знал гораздо меньше.

Елена, вступив в наш разговор, легко подхватила тему и рассказала несколько пикантных историй из жизни молдавских музыкантов из известных всей стране ВИА, а когда я спросил ее, откуда она так хорошо знает предмет, девушка рассказала, что интересовалась этим, когда два года тому назад со своими сокурсниками по институту была со стройотрядом на практике в МССР.

– А в каком городе вы тогда работали? – спросил я.

– Жили мы в глухом селе, а работали то ли в Кабуле, то ли в Кагуле, на местном консервном заводе, теперь название этого города точно уже и не припомню, – засмеялась она, назвав, таким образом, мой родной город.

– Ага, есть такой, – подтвердил я, улыбнувшись, но не стал уточнять, лишь добавил, что он расположен на самом юге, на границе с Румынией.

– Вот-вот, – радостно подтвердила она, – мы жили в палаточном городке почти у самой границы.

Мы вместе покивали, вспоминая каждый о своем, и меня вдруг захватил какой-то непонятный азарт: мне почему-то захотелось познакомиться сегодня поближе именно с этой дамочкой – Леночкой.

Вскоре нас с Яной отправили за вином и во второй раз, хотя, по моему мнению, все уже были нагружены сверх меры. Дорогой мне даже пришлось девушку поддерживать, так как ноги ее заплетались, выписывая замысловатые кренделя, при этом Яночка неестественно смеялась, словно кудахтала.

Знакомые уже нам проводники поблагодарили за сухое вино, которое им доставил Николай, наполнили нам банку, принесенную с собой, а взамен второй – пустой, дали-таки полиэтиленовую крышку.

Вернувшись на танцплощадку, мы обнаружили оставленных нами ребят уже в полуобморочном состоянии, всех, за исключением Игоря, который ушел домой, чему я даже обрадовался: теперь нас было три на три, то есть, при подобном раскладе я мог надеяться, что одна из девушек как бы предназначалась в этот вечер мне.

Когда наша шестерка с большими усилиями собралась в кружок, Лариса во всеуслышание объявила, что мы отправляемся к ней домой. После этого мы выбрались на шоссе и, разбившись попарно, чтобы дорогой поддерживать друг друга, потопали в сторону жилого массива, который светился огнями километрах в двух-трех впереди нас.

– Сколько же нам понадобится времени, чтобы добраться до твоего дома? – спросил я Ларису.

– С полчаса, я уже ходила отсюда несколько раз, – ответила она, а когда я с сомнением покачал головой, добавила неуверенно: – А может и час.

Я с сомнением оглядел нашу «команду». Лариса, ухватив под руку, вела за собой уже совсем никакого Славика; циклоп Андрей при ходьбе опирался на хрупкую Леночку (?) – из-за чего их дуэт во время ходьбы напоминал эдакий гигантский циркуль; Яночка обеими руками вцепилась в мой локоть и практически висела на нем. В таком состоянии и таким темпом нам никогда не добраться до цели, решил я: или сил не хватит, или еще, чего доброго, милиция по дороге перехватит.

Я крикнул, чтобы все остановились и собрались в кучку, так как мы уже умудрились растянуться шагов на двадцать, а сам стал взмахами руки останавливать проезжающие машины.

– Ты что, Савва? – сказала Лариса, поравнявшись со мной. – Пустяшное это дело. Отсюда до моего дома попросят трояк, а у нас на всех и рубля не наберется.

Я терпеливо махал рукой, но водители, словно сговорившись, объезжали нас стороной – видимо, наша компания не внушала им доверия. Наконец одна машина – «волга» с шашечками на дверцах остановилась, и водитель в форменной фуражке высунулся из окна:

– Ну!..

– Нам на улицу Мо...ую, – сказала Лариса, называя свой адрес.

– Три рубля, – сказал водитель. – Но я могу взять только четверых, придется, если вам это подходит, делать два рейса.

– Шеф, возьми шесть рублей, – вмешался я в его расчеты, – и всех отвезешь одним разом (большая часть нашей с Николаем выручки находилась в данный момент у меня в кармане).

– Хорошо, садитесь, только поаккуратней! – подумав несколько секунд, согласился таксист, после чего мы погрузились в машину. За 10 минут добравшись до места, мы вошли в подъезд дома, где жила Лариса, и тем же манером попытались штурмовать лифт (ехать нам надо было на последний, то ли девятый, то ли десятый этаж). Но с лифтом договориться не удалось, он с лишним грузом не шел, поэтому на этот раз пришлось добираться двумя партиями.

Квартира, в которую мы вошли, оказалась небольшой, 2–Комнатной, стандартной планировки, но это была, поверьте мне, сказочная квартира! Родители Ларисы в настоящий момент работали в какой-то из африканских стран, а их единственная дочь – двадцатилетняя студентка вуза, жила в квартире одна. На стенах обеих комнат и коридора теснились картины, в основном, почему-то, с морскими и лесными пейзажами, а все свободное пространство между ними было заполнено африканскими масками из дерева, кожи, перьев, глины и даже камня. На полу, куда не ступи, стояли разных форм и размеров вазы – от стеклянных до глиняных и металлических, от миниатюрных – всего в несколько сантиметров высотой – до полутораметровых, а какая здесь была радиоаппаратура – фантастика! Просто обалдеть! Ни в одной чековой или валютной «Березке» такой, уж поверьте мне, было не сыскать. Видимо, родители Ларисы везли ее из самой Африки, или еще откуда-нибудь.

Лариса включила огромный музыкальный центр «Пионер», заиграла медленная музыка – божественный «Квин», и прозвучало предложение танцевать. Согласитесь, что это предложение было смешным, ведь практически никто из нашей компании, за исключением меня, не держался на ногах. Славик, взявшийся наливать портвейн из банки в хрустальные бокалы, которые он достал из комода, не справился с этим ответственным делом и повалил бокалы на стол, уронив один из них на пол и разбив его вдребезги. Даже я, более других заинтересованный, чтобы народ был попьянее, понял, что наступил предел.

Елена с Андреем, недолго думая и не расцепляя объятий, удалились в спальню, Лариса застелила в зале диван и укладывала на него что-то бормочущего и по-детски тянущегося к ней руками полуодетого Славика, а Яночка сняла с какой-то антресоли перину и с моей помощью понесла ее на кухню: нам, молоденьким, для уединения отвели это уютное многофункциональное помещение... (ах, сколько замечательных минут в своей жизни я провел на кухнях!.. – и, кстати, не только сидя за столом).

Как только мы погасили в кухне свет, Яночка, оперативно разоблачившись, осталась в костюме Евы, причем на талии у девушки обнаружился узкий кожаный ремешок. Последовав ее примеру, я уже через минуту тоже избавился от вещей. Но не успел я спросить, для чего предназначен этот самый ремешок, как девушка, потянув меня на себя, скрестила ноги над моей спиной и, накинув ремешок на свои щиколотки, затянула его узлом.

«Поистине, век живи и век учи!» – мелькнула у меня мысль и я, склонившись над девушкой, поцеловал ее в шею.

– Только люби меня потихоньку, – шепнула мне Яна, закончив свои манипуляции и укладываясь поудобнее, – я в этом деле недавно, только учусь.

Я начал движения осторожно, как моя партнерша и просила, но вскоре, не сдержавшись, с урчанием набросился на Яночку и уже через минуту-другую «приплыл»: сказалось более чем недельное воздержание. После чего улегся рядом с нею. Моя «ученица», покрутившись на «ложе» минуты две-три, сморилась и мирно засопела. Я был разочарован, ведь даже во вкус войти не успел, но девочка уже спала, не насиловать же ее спящую, и обижаться было не на кого – сам все затеял, сам всех напоил.

Спустя некоторое время я встал и направился в ванную комнату, где, к великой моей радости, в кране обнаружилась горячая вода. Тщательно сполоснув ванну и брызнув на дно какого-то шампуня, я стал ее наполнять. Вскоре, лежа в ванной при выключенном свете, я наслаждался, отмокая в пенной ароматной воде, временами доливая порцию горячей воды, и только что не похрюкивал от удовольствия.

Неожиданно уютная ночная тишина нарушилась приближающимися неуверенными шагами: кто-то, шлепая по полу босиком, направлялся в сторону санузла. Я замер: если кому-то приспичило в туалет, то это в соседнюю дверь, а если в ванную... то это может быть только кто-то из девушек – Лариса или Елена, – не будет же мужик, да еще в таком состоянии, помышлять о купании. Дверь открылась, и в ванную вошла Лариса – я узнал ее в слабеньком свете, пробивавшемся с улицы сквозь окошко из кухни, по рельефной фигуре.

Лариса была неглиже, через руку переброшен халат. Не решившись включить свет (очевидно, не желая нас, спящих в кухне, беспокоить), и теперь, почувствовав, что в ванной кто-то есть, Лариса, высунав руку назад, стала нащаривать выключатель и спросила негромко:

– Кто здесь?

– Это я, Савва, ваш гость, – прошептал я. – Не включай свет, Лорочка.

Лариса, мгновенно прикрывшись халатом, остановилась в дверях.

– А где Яна? – спросила она смущенно, явно намереваясь уйти.

– Спит девочка, – сказал я. – Портвейн ее сморил. А ты заходи, заходи, чего стесняешься? – С этими словами я протянул ей руку. «Если она только что переспала со Славиком, то, вероятнее всего, уйдет, – подумалось мне, – а если между ними ничего не было, то, возможно, останется».

Лариса стояла, обеими руками прижимая к телу халат, словно защищаясь им от меня. Встав и перешагнув через край ванной, я одним движением (борцовским, называемым «перевод») притянул ее и одновременно развернул спиной к себе так, что ее округлые и плотные, как наливные яблочки, груди легли в мои ладони. А бедра, теплые и упругие, соприкоснулись с моими. Губами я уткнулся ей в шею, и то ли зашептал, то ли застонал:

– Лорка, ты такая сладкая, пожалуйста, не уходи, останься со мной...

Девушка сделала несколько молчаливых попыток вырваться, но размеры ванной комнаты не давали простора для борьбы, а я удерживал ее нежно, но крепко.

– Савва, послушай, ну это же... это смешно... – Прошептала она.

– Почему же смешно?

– Я пришла искупаться, а ты...

– Все правильно, я здесь тебя уже давно жду, – сказал я, не давая ей договорить и вновь целуя в затылок. Я целовал ее так какое-то время, потом стал прикусывать зубами. Лариса в моих руках постепенно расслабилась, обмякла, и тогда я развернул ее лицом к себе и крепко поцеловал в губы, после чего отпустил. Девушка швырнула ненужный теперь халат на умывальник и, повернувшись ко мне лицом, смело шагнула в ванну.

– Ну, хорошо... Ты хочешь прямо здесь? – спросила она.

– Да, хочу! – сказал я с восторгом, обнимая и целуя ее, – здесь и сейчас!

Пустив струю воды через рожок душа, я стал нежно обмывать ее тело теплой струей. Это необыкновенное ощущение, когда вы стоите с женщиной под душем, когда ваши руки скользят по ее телу, на мгновенья замирая то там, то здесь, в различных укромных местечках ее тела, а затем внезапно переходят на другие его части. Эта великолепная церемония хороша также для первого знакомства, как вот в нашем с ней случае; при этом наши тела прижимались друг к другу самыми неожиданными местами, и перед моими глазами, под моими ищущими губами попеременно возникали то округлое плечико, то темнеющий твердый сосок, то нежная кожа ее шеи...

Я уже буквально изнемогал от возбуждения, и мы, топчась в ванной, стали искать подходящую для обоих позу, но лицом к лицу ничего не получалось, а задом ко мне девушка стеснялась повернуться. Я шепнул Ларисе, чтобы она подождала минуту и, выскочив из ванной, бросился в зал.

Славик лежал, раскинувшись посреди дивана и, сладко посапывая, спал. При этом он, к моему удивлению, был по-прежнему в одежде, то есть в брюках, правда, без рубашки, в одной майке. Я схватил его в охапку, легко поднял и, перенеся на несколько шагов, положил на ковер и прикрыл большим ворсистым покрывалом, валившимся рядом с диваном.

Когда я вернулся за Ларисой, она вытиралась, поставив свою рельефную ножку на край ванной. Отбросив полотенце в сторону, я подхватил ее на руки и, не чувствуя веса, понес в комнату, где нас ожидал свободный теперь диван. Лариса приняла меня легко и доверчиво, и мы тотчас же предались любви, разгоряченные жаркими объятиями и поцелуями в ванной. Она быстро кончила и, задышавшись, прошептала:

– Савва, остановись, я больше не могу... Меня будто током бьет по оголенным нервам...

– Подожди, я сейчас... тоже, – прерывисто дыша, отозвался я. – Еще чуть-чуть, еще секунда...

Когда я оторвался от нее, она в благодарность стала целовать меня, затем, после паузы, вдруг спросила:

– Постой, а где Славик?

– Да вон же он, – ответил я, указывая на темнеющее возвышение на полу около стола. – Не волнуйся, с ним все в порядке, даже отсюда слышно, как он сопит.

– Нехорошо как-то... на полу. Отнеси его... – зашептала Лариса, – в другое место, ну... хотя бы к Янке, что ли.

– Конечно– Конечно, – ответил я. – Я так и сделаю.

– Спасибо, милый... – проворковала Лариса и, не договорив, повернулась на бок и уснула.

Я прижался к ней покрепче и, укрывшись до подбородка одеялом, тоже собрался спать. Но даже теперь, ощущая рядом с собой горячее тело женщины, только что любившей меня, я почему-то чувствовал себя неудовлетворенным. Да и сон не шел... В чем же дело? Ах да, ну конечно же!.. Елена! Лишь теперь только я понял, вернее, признался себе в том, кто именно не давал мне покоя! Елена! Вот о ком я думал весь этот вечер, занимаясь любовью с этими девочками... вот о ком мечтал.

Бесшумно выбравшись из постели, я на цыпочках направился в спальню. Ага, вот они, голубки – Елена и Андрей! Спят. Одетые. Во, блин, вот дают мужики! С такими классными бабами – и одетые!

Я пробрался на кухню, и, еле отыскав их в куче одежды, натянул на себя трусы и тут же вернулся, – для того, что я задумал, костюм не требовался. Елена спала, плотно прижавшись к стене, вернее, Андрей ее туда буквально вжал, и теперь, навалившись на нее всем своим громадным телом, спал, храпя как паровоз. Я судорожно вздохнул. Надо было что-то предпринимать. Ведь задавит девочку, циклопище!

Я осторожно потянул его за руку, чтобы отодвинуть от Елены, или хотя бы развернуть этого бугая навзничь. Он, всхрапнув, отмахнулся от меня, как от назойливой мухи. Я едва успел отпрянуть. Если бы он своей рукой, больше похожей на кувалду, попал бы случайно мне в челюсть, то я, не помышляя больше о Елене, валялся бы сейчас рядом с их кроватью в глубоком нокауте.

Я обвел взглядом комнату и не нашел ничего более подходящего для самозащиты, как хрустальная пепельница в виде морской раковины не меньше чем в килограмм весом. Я взял ее со стола и покачал в руке, принаравливаясь. Треснуть, что ли, этой самой пепельницей Андрюшу по башке, чтобы он отключился, а затем стащить его с дивана? И тогда никаких проблем, путь к Елене свободен. А вдруг я его этим ударом убью? Нет, такой вариант не годится...

Я нащупал Ленкину ногу и ущипнул ее через джинсы, но она только буркнула что-то сквозь сон и потянула, поджала ногу под себя.

Что же делать? Я был почти в отчаянии. А ведь цель так близка...

В какой-то момент Андрей вздохнул и повернулся в мою сторону всем своим массивным телом. Я замер. Теперь он не храпел, и мне даже показалось, что он смотрит на меня! Притвориться, что ли, как это делают ниндзя в голливудских кинофильмах, креслом или кактусом? Несколько секунд я не дышал, занеся над его головой пепельницу. Но Андрей вздохнул и опять захрапел. А рядом с ним лежала такая близкая... такая желанная... и по-прежнему недостижимая Елена. Я должен был действовать! Не замечая прохлады пола, на котором я стоял босиком и, отгоняя мысль о том, что вот же, совсем рядом, в соседней комнате лежит женщина, которая в любую секунду распахнет для меня свои объятия, я опять отправился на кухню, поднял на руки спящую Яночку (она при этом даже не сбилась с дыхания) отнес ее в зал и положил рядом с Ларисой, а затем, не очень вежливо подняв с пола, примостил туда же Славика. Полюбовался на них. Великолепная троица! Ах, если бы я мог так же легко справиться с Андреем!

Я вернулся в спальню, в отчаянии ухватил Елену за обе руки и потянул на себя. Вначале ее тело поехало ко мне, потом надломилось в талии и Елена резко села на диване, при этом мы едва не столкнулись головами. В следующую секунду я увидел ее бешеные от возмущения глаза и мгновенно прижал свои губы к ее губам, не давая девушке крикнуть, затем рывком поднял ее на ноги. Она уперлась обеими руками мне в грудь, но я продолжал сжимать ее в своих объятиях. Наконец она сумела вырваться, и сразу же:

– Ты что, с ума сошел? Ненормальный какой-то!

– Леночка! – взмолился я. – Конечно же, я сошел с ума, но прости меня, я не мог по-другому. – Я оглянулся на спящего Андрея. – Пойдем, я тебе все объясню.

– Куда пойдем, сумасшедший? Разбудил среди ночи...

– Пойдем на кухню. Только на два слова, и я тебя отпущу, умоляю!

Елена, косясь на Андрея, сделала несколько неверных шагов, затем пошла впереди меня. Даже в таком виде – сонном и нетрезвом, она была грациозна, словно пантера.

– Это для кого здесь постелено? – спросила она, входя в кухню и ступая ногами на перину.

– Для нас с тобой! – твердо ответил я.

– Хм. Занятно. Принеси мне воды попить, – сказала она, выходя из кухни и открывая дверь в ванную. – Только обязательно холодной!

Когда я вошел с кружкой воды, она стояла в ванной, поливая себя из душевого рожка. Не испытывая передо мной никакого стеснения при включенном свете (жажда, очевидно, была сильнее), Лена схватила кружку и осушила ее одним залпом.

– Принеси еще, – сказала она. – А еще лучше, сделай мне, пожалуйста, кофе.

Я принес еще воды, невольно задержав на ней, обнаженной, свой взгляд, и тогда она брызнула на меня из рожка водой:

– Уходи же, наконец! И без кофе не возвращайся. – Однако тон ее заметно смягчился, что меня ужасно обрадовало.

Я обшарил всю кухню, прежде чем обнаружил банку индийского кофе, спрятавшуюся на подоконнике среди цветов в горшках; на газовой плите уже закипал чайник. Вскоре две большие чашки крепчайшего ароматного напитка стояли на кухонном столе – я тоже в эту минуту нуждался в кофе. Елена вошла на кухню уже в халате, оставленном Ларисой в ванной, и я невольно улыбнулся, подумав о преемственности людей и их вещей. При этом свои вещи Елена держала в руке. Бросив их на стул, она взяла чашку в обе руки и поднесла ко рту.

– Осторожно, горячий! – предостерег я.

– Я люблю именно такой! – сказала она и тут же сделала глоток. Ее лицо расплылось в блаженстве.

Я протянул руку к выключателю и погасил свет, кофе мы допивали в темноте. Затем Елена красивым жестом сбросила с себя халат, опустилась на перину и заявила:

– Так вот знай, Савва: я тебя совершенно не хочу! – Она устроилась на перине поудобнее, и призывно протянула ко мне руки. – Это будет насилие над незащитной девушкой.

– И более того: это будет сладчайшее в мире насилие! – воскликнул я, развернул ее к себе спиной и незамедлительно впился губами в ее бархатную шейку чуть пониже уха, пальцами рук в это время подбираясь к сосочкам груди. – Берегись же, я буду безжалостен!

Елена задышала глубже и чаще. Тогда я постепенно перебрался к ее ягодицам и стал массировать их легкими круговыми движениями, постепенно усиливая нажим. Она начала легонько постанывать. Мои шаловливые пальцы, переместившись к внутренней части бедра, ласково касались ее нежной плоти, доводя девушку до экстаза.

– Садист! – выдохнула, почти вскрикнула она. – Ну, не мучай меня, иди же скорее ко мне!

– Я тебя совершенно не хочу, – прошептал я, переворачивая ее на спину и немедленно входя в нее, восхитительно трепещущую от желания, – ты сама меня заставила.

Елена приподнялась, изогнувшись, и без слов впиалась в мой рот долгим проникающим французским поцелуем.

Яна, юная девочка, конечно, не могла мне дать подобных ощущений. Даже Лариса, с ее великолепным и чувственным телом, так не возбуждала меня. Я обладал в эту минуту именно той, которой мне недоставало, той, о которой мечтал, находясь на развалинах танцплощадки, и – о, боже! – это она сейчас билась в моих руках, истекая от томления и любовной страсти, а я с удовольствием слушал ее стоны и вскрики, не боясь в эту минуту ничего и никого, даже появления циклопоподобного Андрюши.

Была уже глубокая ночь, когда мы одновременно забылись в сладкой полудреме.

А проснулся я, когда уже совсем рассвело; оттого, что чьи-то ноги то и дело толкались в перину, мешая мне спать. Часы в кухонной стенке у плиты, когда я повернул голову в ее сторону, показывали 10.30. Я приподнялся в постели. Елены рядом со мной не было. Лишь Лариса находилась на кухне, она, нагнувшись, ковырялась в недрах холодильника. Увидев, что я поднялся, она улыбнулась мне своей милой улыбкой. Я, воровато оглядевшись по сторонам, подошел, поцеловал ее в щеку и спросил:

– «Твой» еще спит?

– Какое там, он спать не может, его колотит с похмелья, словно осиновый лист. Да уж все, кроме тебя, встали.

Я собрал свои вещи, разбросанные по полу, выглянул в коридор, убедился, что там никого нет, и шмыгнул в ванную комнату – сполоснуться и одеться. Когда я десятью минутами позже оттуда выходил, меня у самой двери перехватила Яночка: подойдя вплотную, она встала свою ладошку за пояс моих брюк.

– Савва, у тебя случайно не найдется пары рублей, мы бы пошли, пивка попили, а? – Она заискивающе заглянула мне в глаза.

– Найдется, моя радость! – сказал я. – Конечно, найдется. Командуй общий сбор.

Минутой позже из комнат подтянулись «мены» – Андрей и Славик – рожи помятые, взгляды потухшие, движения замедленные. Они вяло пожали мне руку, приветствуя как старого знакомого. Но не их я ждал, не их мечтал увидеть...

Елена вошла в кухню последней – красивая, надменная, холодная... совсем чужая, губы сжаты, взгляд колющий – не подступись! Глядя на нее, я даже засомневался, что именно ее тело мои руки сжимали в любовных объятиях всего пару часов тому назад.

Пятью минутами позднее мы покинули квартиру. Проехали «зайцами» две или три остановки троллейбусом и вышли у огромного пивного павильона, внутри и вокруг которого копошились словно муравьи в муравейнике, сотни и сотни людей, по большей части, естественно, томимые жаждой мужчины. Здесь, в этом чудесном месте, пиво, – этот замечательный универсальный похмельный напиток, – лилось рекой. Тут было бутылочное и разливное; у стойки и в автоматах; светлое и темное; нормальной температуры и холодное – на любой вкус. Пей, не хочу. Лица моих компаньонов просветлели, они ускорили шаг, но когда до вожаемого входа оставалось сделать всего по паре шагов, дорогу нам преградила какая-то молодая беременная женщина, ведущая за руку малыша трех или четырех лет. Она остановилась перед Славиком и со словами: «Ну, и где же ты шлялся всю ночь, сволочь?» наотмашь вlepила ему увесистую пощечину.

– Жена! – выдохнула Яна, машинально прижавшись ко мне.

Увидев, что женщина отпустила ручку ребенка и собирается закатить пощечину и Ларисе, находившейся рядом со Славой, я подскочил и поймал ее уже занесенную для удара руку.

– Извините, мадам, – сказал я мягко, отесняя Ларису своим телом в сторону на безопасную дистанцию, – я думаю, что здесь произошло какое-то недоразумение.

– Какое еще недоразумение? – вскричала женщина, вырывая руку. – Мне еще неделю назад говорили, что он путается с какой-то блондинкой. Вот с этой сукой, стало быть. – Голос женщины стал надрывно-истерическим и поднялся на еще более высокую ноту.

– Вы знаете... – продолжил я, поднимая обе руки, словно сдаваясь, – я, в общем, лицо незаинтересованное, поэтому могу лишь сказать, что я был с этими ребятами с самого вечера и до сих пор, и девушка эта – моя, а этот... – брезгливо сморщившись (мне это было нетрудно сделать), я указал на Славика, – приклеился к нам десять минут назад на троллейбусной остановке.

На лице женщины, перекошенном мукой, выступили красные пятна, и я поспешил продолжить:

– Да вы не волнуйтесь так, я обещал ему бокал пива поставить, а после этого вы его можете хоть убить! – Затем, после небольшой паузы я, попытавшись ей улыбнуться, добавил: – Пойдемте и вы с нами, чего уж теперь.

Наша команда, приободрившись от моих слов, вновь зашевелилась и двинулась внутрь павильона, обходя растерянную женщину и Славика, который с виноватым выражением на физиономии продолжал стоять рядом с женой.

– Я беру тебе два пива, – обернулся я к нему, – подтягивайся. – И пошагал за остальными. Пробравшись к стойке, я нахально, без очереди, заказал сразу 15 бокалов светлого, которое мы тут же унесли за свободный столик в углу зала, затем сам сел чуть обособленно, сбоку, и

внимательно, поочередно оглядел всю нашу «сборную». Яна, держа бокал двумя руками, хлебала пиво словно школьница компот. Ее взгляд, несколько затуманенный, изредка останавливающийся на мне, ничего не выражал. Что ж, юность эгоистична. Я для этой девочки случайный, транзитный пассажир, так, эпизод, почти незаметная веха в ее жизни. Лариса, когда я поглядел на нее, мне еле заметно улыбнулась; она должна была быть мне благодарна хотя бы за то, что не схлопотала несколько минут тому назад по физиономии. Андрей, прижав к себе одной лапищей Елену, другой держал бокал, который казался в его руке стаканом, и медленно цедил из него. Ленка из-под его руки, словно цыпленок из-под крыла курицы, глядела в белый свет холодно и равнодушно, хотя мне показалось, что она еле заметно кивнула в тот момент, когда я на нее поглядел, и глаза ее на мгновение блеснули.

– Еще возьмем пива, братва? – спросил я у компании, еле справившись с одним бокалом.

– Хватит, хватит! Спасибо! – загудели все разом.

– Ну, тогда я побежал, друзья, дела зовут, – сказал я, вставая, и ловким движением вложил в нагрудный карманчик Яночки пять рублей. Затем я зачем-то пожал руку Андрею. Потом добавил: – Надеюсь, что мне когда-нибудь еще посчастливится найти вас на том самом месте, где и вчера.

Все три девушки после этих слов энергично замахали мне руками – и я почувствовал при этом, чего уж греха таить, настоящее блаженство. Минуту спустя, выскочив из пивной, я бегом отправился к стоянке такси.

* * *

К станции Бескудниково я подъехал, когда на часах было одиннадцать тридцать утра. С вершины небольшого холма моему взгляду открылось огромное пространство, на котором находились казавшиеся маленькими, словно игрушечными, вагоны, которых тут были тысячи и тысячи. Они выглядели бусинками, нанизанными на нити. В растерянности я вглядывался в их ряды, пытаясь «вычислить» среди них свой «спец», и тут мне повезло: Николай, каким-то образом увидев меня с довольно большого расстояния, поднял руку и стал ею махать, чтобы мне было легче ориентироваться. Попутно по некоторым признакам я отметил, что наш состав стоит полностью сформированный и готовый на отправку. Бросившись в нужном направлении, я десятью минутами позже уже поднимался в вагон и с радостью приветствовал Николая, при этом сам вагон показался мне каким-то незнакомым и даже нереальным, словно я не ехал в нем целую неделю. Поставив на тлеющую плиту чайник, и подбросив в нее дровишек, я стал рассказывать Николаю о своем ночном приключении, а спустя некоторое время наш состав тронулся, взяв курс на Мытищи.

Глава третья

Мытищи, где мы делали тыщи...

Уже темнело, когда маневровый дизельный тепловоз, произведя все необходимые перестановки, затянул наши вагоны – так называемую группу два – на заводскую стоянку и с ходу загнал в свободный тупик. Мы с интересом разглядывали строения незнакомого нам Мытищинского винзавода (Николай, также как и я, был здесь впервые), а также множество других вагонов – "спецов", "молочек" и "бандур", двойной строй которых обрывался у уже закрытых в этот поздний час ворот. Взгляд Николая выражал умиление и восторг: мытищинская база считалась одной из самых привлекательных в стране по уже упомянутым мною выше причинам; я тоже разглядывал новые для меня места с интересом и надеждой.

Пока маневровый сцеплял наши вагоны с уже находившимися здесь ранее, мы с Николаем спрыгнули на землю, собираясь размять ноги, а заодно разведать обстановку; у нас также была надежда встретить здесь земляков.

Всего на базе на сегодняшний день оказалось более двух десятков «спецов», многие из которых имели по одному, а то и по два прицепа, что общим счетом составляло около пятидесяти единиц. Из чего следовало, как тут же подсчитал Николай, что срок ожидания в очереди составит не менее месяца. Два «спеца» из общего количества, судя по номерам и надписям, были от нашего винзавода, и мы немедленно постучали в ближайший из них. Дверь открылась, а уже минутой позже мы приветствовали знакомых нам ребят, один из которых тут же побежал звать коллег из другого вагона, также приписанного к нашему винзаводу, после чего мы все вместе собрались на ранний дружеский ужин, который состоялся уже при свете костра.

Получасом позже мы с удовольствием поедали приличного качества шашлык из индейки, которая, как говорят, полезна для здоровья и легко усваивается организмом. Мясо мы запивали сухим вином "Фетяска", принесенным из нашего вагона – ни у кого больше из стоявших на базе проводников сухого вина не было. Разговор в ходе ужина зашел, естественно, о новостях из Молдавии, затем о том, что происходит на базе – возможность продажи и все такое прочее; постепенно он перекинулся на специфику нашей работы. Тут я наострил уши: в «профессиональных» делах я был пока абсолютным профаном, и мне предстояло еще учиться и учиться. Ребята рассказывали, как здесь производится лабораторный забор анализов, кто из работников при этом соблюдает все необходимые правила, и кто нет, кто сильно придирается к количеству и качеству, кто менее, а кто и вообще может дать поблажку, – последних, впрочем, на этой базе, по мнению проводников, не оказалось.

На сегодняшнюю ночь нашими парнями была запланирована работа, – для меня это было настоящее практическое занятие по проводницкому делу, – надо было закачать воду в «бандуру» нашего коллеги, который умудрился за три дня продать полторы тонны вина. Правда, у него изначально было почти 150 тонн портвейна: «спец» на 28, и две «бандуры» по 60 тонн. Коллегу звали Иваном, а кличку он носил по своей предыдущей профессии – Сапожник. Трудность заключалась в том, что никаких источников воды, а уж тем более водопроводных кранов в округе не было – заводское начальство все это давно ликвидировало, из-за чего нам предстояло забросить шланги в местный пруд, расположенный неподалеку, в стоячей зеленоватой воде которого плавали головастики, и закачать ее прямо в цистерны. Потом, после перекачки из цистерн в заводские емкости, вино все равно фильтровалось, объяснили мне коллеги, а если бы и нет, то кого это волновало! Для Ивана это был всего второй рейс в жизни, и в специфике нашей проводницкой работы он понимал едва ли больше моего, что не мешало ему за этот

самый рейс заработать больше шести тысяч рублей – вот вам, пожалуйста, совсем не байка, а реальная жизненная проводническая удача, свидетелем которой оказался я сам.

По приезду домой, то есть буквально через несколько недель, я увидел Ваню– Сапожника, разъезжающим на новом «москвиче», купленным, несомненно, на те самые деньги. Кстати, напарником Ивана в этом рейсе, – с ним мне довелось беседовать месяцем позже, уже по возвращению домой, – был мой давний приятель Дмитрий, который не поехал в рейс вместе с Иваном, а остался дома, для того, чтобы, по его собственным словам, находиться рядом со своей неверной женой и не дать ей возможности шляется; заодно он успел сделать в квартире ремонт.

Иван, отправившись в рейс один, сумел отметить за Дмитрия командировочное удостоверение, чтобы тот получил зарплату и командировочные деньги. Выслушав причины, из-за которых Дмитрий не поехал в рейс, я, не вдаваясь в подробности, с укоризной, но по-дружески постучал ему пальцем по лбу, и тогда он, надеюсь, понял все.

Три ночи подряд мы закачивали в Ванькину «бандуру» воду из пруда: работать насосом вручную было тяжело потому, что расстояние от пруда до вагона было метров 50–60, но я работал с наслаждением, внимательно прислушиваясь к советам коллег и скрупулезно познавая детали незнакомой мне науки.

Случилось так, что на второй день после нашего приезда проводники, посоветовавшись, решили поднять цену на наше вино с 3 до 4 рублей за литр; об этом разговоры шли уже давно, так как по всей стране уже с месяц, как прошло повышение цен на алкогольные напитки, но цену решено было поднять только сейчас. В этой связи мы ожидали конфликтов с покупателями, опасались чего-то вроде бунта алкашей с возможной порчей и даже поджогами вагонов, что несколькими годами ранее, по той же причине на памяти бывалых проводников уже случалось, но все в итоге прошло благополучно, не считая нескольких мелких споров и стычек. Воспользовавшись повышением цен, мы установили на нашей базе строгий график продажи вина (это была моя с Николаем инициатива, иначе нам вообще не удалось бы продать и литра нашего пойла), и рассчитали каждому «спецу» по два дня свободной продажи, что было вполне достаточно, так как за сутки на базе продавалось до двух тонн вина, а порой и более. Я, как самое заинтересованное лицо, строго следил за соблюдением графика, а одному «хитроумному» проводнику из Тараклии треснул кулаком по голове, когда поймал его на наглой продаже вина в ночное время вне графика. Наутро мы все вместе разбирались с этим делом, и коллега, нарушивший договор, получил общественное порицание.

Дней через десять после нашего приезда, периода, отмеченного полным бездействием – эти дни мы даже питались за счет коллег, – наступила, наконец, и наша очередь торговать: мы наполняли флягу «Фетяской», производили все нужные манипуляции, описанные выше, в результате чего в продажу поступил «новый» сорт вина, который мы в шутку окрестили «портвейн марочный».

Клиенты подходили, покупали вино, пили, некоторые плевались, иные жаловались на то, что оно слабое, но мы держали «фейс», иначе могли попросту ничего не продать и в результате сдохнуть с голодухи. А сдыхать, знаете ли, не хотелось, особенно глядя на некоторых наших коллег, на того же Ваню, например. По утрам наш «миллионер» отбывал в город, а после обеда возвращался обратно на такси, доверху груженым приемниками, люстрами, коврами, разнообразной одеждой и прочим барахлом, которое он волок изо всех подряд столичных магазинов. Нашей же с Николаем задачей в этом рейсе было не считать барыши, а просто продержаться – на еду бы хватило – и, благополучно сдав вино, вернуться домой. Целых двое суток мы продавали нашу «бодягу», стыдя недовольных покупателей: «Марочное вино по цене обычного не хотите пить, эх вы, алкаши!», и так далее.

Завершив второй день работы, мы подсчитали барыши – чуть более двух тысяч рублей, – и заметно повеселели. С этого дня по инициативе Николая, за неимением других занятий, мы

стали ужинать во всей стране известных столичных ресторанах, таких как «Арбат» и «Прага» – других, что попроще, для нас вроде как и не существовало. Колька, правда, любил еще иногда сходить в «Охотник» – там часто собирались и широко гуляли наши коллеги – проводники со всего Союза.

В этих строках мне хочется рассказать и о распорядке дня, который у нас, проводников круглый год практически не менялся. Завтракали мы на базе, почти всегда в районе девяти утра: к этому времени принесенное дежурным алкашом из магазина мясо – индейки или куриное, – когда целиком, когда кусками, уже томилось на огне, дразня наше обаяние заманчивыми запахами. Проводники выходили из своих вагонов, позвякивая тарелками и вилками, собирались в круг, садясь на стулья или просто на ящики, и приступали к еде. Иногда, прямо с утра, на большом стационарном мангале, вмонтированном в бетонный куб весом не менее чем в тонну – видимо, чтобы не унесли, – готовились шашлыки, и лишь изредка, для разнообразия, на завтрак было что-нибудь легкое – блинчики к кофе, а для стариков и диетчиков-диабетчиков, которых среди наших насчитывалось несколько человек, специально приносили молочные продукты: сыры, творог, брынзу, молоко, кефир, ряженку, сметану и т. д. благо, богатый ассортимент столичных магазинов это позволял. На обед чаще всего готовили шашлыки – из говядины, свинины или баранины; к ним подавались, как и полагается, гарниры, овощи и зелень; иногда в огромном котле варили шурпу из баранины или суп из говядины, поэтому мангал работал практически круглосуточно. Запивали еду сухим вином: Коля приносил к столу чайник «Фетяски» емкостью в семь литров и его на всех наших едва хватало. К моей немалой радости, в группе «спецов» оказался один с коньяком. Его хозяин проводник Петр – однорукий дядька лет сорока с лишним, ездивший в одиночку, – сообщил нам, что в его вагоне почти 28 тонн коньяка, чем привел меня в буйный восторг. Петр, не имея на базе земляков, прибил к нашей компании и каждое утро к завтраку приносил бутылку коньяка, которой мне хватало на целый день, другие же проводники коньяком не баловались. Ужин зачастую повторял обед, но мы с Николаем, как я уже говорил, вечерами покидали коллег, так как ужинали обыкновенно в ресторанах.

Как-то раз после обеда, когда мы с Николаем отправились, как обычно, в город – прогуляться по магазинам и просто развлекаться, а затем, с наступлением вечера, собираясь где-нибудь поужинать, случилось так, что мы запутались в наименованиях станций метро и оказались не в центре города, а почти на самой его окраине. Решив не ехать в центр, а перекусить в любом ближайшем кафе или ресторане, мы отправились на их поиски и вскоре подошли к зданию, оказавшимся, судя по вывеске, парикмахерской. Две молодые женщины в форменных халатах стояли у входа, курили и о чем-то разговаривали. Одна из них была крашеная шатенка лет тридцати, другая, ее собеседница, яркая брюнетка, была совсем молоденькой – не старше двадцати. Женщины, веселя друг дружку шуточками и сплетнями, поминутно хохотали. Меня поразила внешность младшей из женщин, судя по возрасту, еще девушки. Она была среднего роста, лицо же ее было своеобразной, почти ромбовидной – благодаря высоким и широким скулам, – формы. На голове – контрастно лицу – было каре из иссиня-черных волос, скорее всего, крашеных, а глаза у нее были и вовсе синими, и это все вместе создавало необыкновенный контраст. Обратившись к дамочкам, я спросил, где тут находится ближайший ресторан, и они, переглянувшись между собой, ответили, что это довольно далеко отсюда, придется, мол, добираться автобусом.

– Автобусом? В ресторан? – тонко улыбнувшись, спросил я.

– Ну, тогда, наверное, на такси, – сконфузились дамочки и, извинившись, вошли внутрь. Мне не оставалось ничего другого, как последовать за ними – я уже не мог просто так уйти, брюнетка с необыкновенной внешностью мне определенно понравилась.

Войдя в салон, я оказался в большом продолговатом помещении на шесть кресел, выстроенных в ряд вдоль стены. Там же я застал целую бригаду мастеров-парикмахеров – три жен-

ских и три мужских; все они, не занятые в этот час работой, разбившись попарно, сплетничали. К счастью, «моя» брюнетка оказалась мужским мастером, и я попросил девушку меня побрить, – я чувствовал необходимость поговорить, пообщаться с ней. Девушка с готовностью усадила меня в кресло, но едва собралась меня обслужить, как возникли некоторые затруднения: вначале выяснилось, что у нее нет свежих лезвий, потом на месте не оказалось помазка, и я, съездившись по перекрестными ироничными взглядами все, как мне казалось, видящих и все понимающих коллег брюнетки, решился постричься, пожертвовав своей прической, над которой моя личный мастер трудится вот уже целых восемь лет, не позволяя мне стричься у кого-либо другого. Осознавая, что Нина – так звали девушку, понравившуюся мне, далеко не модельер, я все же рискнул подставить свою голову под ее ножницы – ведь любовь, как известно, требует жертв.

Николай терпеливо дожидался меня, покуривая у входа, в то время как Нина тщательно постригала мои волосы, глядя на которые, женщины в парикмахерских обычно говорят с завистью: «Боже, это же надо, такие шикарные волосы и мужику достались!».

Нина довольно долго, забавно закусив губу, колдовала над моей прической, а я, сидя в кресле и прикрыв глаза, исподволь наблюдал за ней в зеркало и изнемогал от прикосновений ее рук.

Зато, когда она закончила, я уже знал, что девушка не замужем, парня постоянного тоже не имеет, и, что самое главное, сегодня после окончания смены никуда не торопится. Я протянул ей пять рублей, боясь даже посмотреть в зеркало, но когда все же рискнул, моя новая прическа мне против ожидания понравилась, отчего я пришел в восторг – не пришлось страдать зря.

Спустя час парикмахерская закрылась и мы, теперь уже вчетвером – Николай, я и Нина с Полиной, – так звали ту самую женщину, что курила накануне вместе с Ниной, – вышли из парикмахерской, сели в такси и отправились в ресторан ужинать; мне удалось, используя все свое искрометное красноречие, уговорить этих двух дам поехать вместе с нами. Полина, кстати, оказалась женщиной замужней, но на нашу удачу муж ее на конкретный момент времени находился в длительной командировке где-то на севере страны. Дамы дорогой уговаривали нас пойти в какой-нибудь ресторан попроще, а еще лучше, мол, в кафе, мотивируя свои доводы тем, что они не одеты подходяще и никуда в этот вечер не собирались, но Николай сказал таксисту, чтобы тот отвез нас в ресторан «Арбат», – на меньшее не согласны были мы.

Прибыв на место, мы с помощью администратора – высокой, симпатичной и обаятельной женщины лет сорока, одетой в строгий форменный костюм, – расположились на балконе второго этажа за отдельным столиком. Дождавшись официанта, мы заказали шикарную закуску под приличную выпивку – на столе появились бутылки с коньяком и шампанским в окружении изощренно исполненных салатов, черной икры и балыка; с горячим – антрекотами – которые были поданы несколько позже, мы уже попросту не справились.

На момент расчета с официанткой выяснилось, что все эти удовольствия «потянули» на сто рублей. Девушки, услышав сумму счета, ужаснулись, нас же с Николаем это лишь позабавило, и к счету я добавил щедрой рукой еще двадцатку чаевых. В перерывах между тостами мы, конечно же, танцевали, и я, едва прикоснувшись к телу Нины, почувствовал импульсы, идущие от нее ко мне, ее трепетно маленькие ладони с тонкими пальчиками, с голубыми прожилками на них, настроили меня на нежное и бережное к девушке отношение. А когда я глядел на ее милый затылок, подстриженный по самой последней моде аккуратной лесенкой, то вообще приходил в восторг и, млея от вожделения, обнимал Нину в танце все крепче; для меня она была самой красивой и самой желанной из всех находившихся в ресторане дам. Я даже было приготовился со всем рыцарским пылом защищать свою избранницу от попыток приставаний со стороны лиц мужского пола, если таковые бы обнаружили среди присутству-

ющих, но никто из окружающих, слава богу, не собирался у меня Нину отнимать, – публика в ресторане была вполне воспитанной и респектабельной.

Во время танцев Нина, периодически легко касаясь моих волос, приговаривала: «Ах, какая у вас, молодой человек, красивая прическа. Просто приятно поглядеть». Надо ли говорить, что от этих прикосновений мое сердце замирало и таяло. Впрочем, не обошлось в этот вечер и без маленького конфуза. Меня на белый танец, объявленный музыкантами, пригласила девушка – и я, растерявшись, не сумел ей отказать. Мы танцевали, и моя партнерша в танце все теснее прижималась ко мне, поглядывая при этом своим томным взглядом сверху вниз – росту в ней было почти два метра. Я с трудом сдерживал улыбку – девушка при своем баскетбольном росте была довольно привлекательна лицом и пропорционально сложена. Наши девчонки, когда я вернулся, стали надо мной подшучивать, на что я сказал: «Будете смеяться, обижусь, и уйду вместе с ней». Девушки притихли и тут же сменили тему, видимо, сообразив: ночью, да еще в горизонтальном положении, разница в росте – совсем не помеха для любви.

Покинув ресторан, мы вновь взяли такси – Полина жила, как она выразилась, у черта на куличках, то есть из ее квартиры, расположенной на седьмом этаже десятиэтажки, была видна московская кольцевая дорога.

Ее пятилетняя дочь – Нелли, когда мы тихонько пробрались в квартиру, мирно спала в своей кроватке – подруга-соседка, как поведала нам Полина, присматривала за девочкой, когда ее мама задерживалась с работы, и уложила ребенка спать в девять часов.

Нина не обманула моих ожиданий – жаркий задор молодых тел, внезапно вспыхнувшая между нами взаимная симпатия, плюс легкое опьянение сделали свое дело – мы, едва добравшись до постели, которую хозяйка постелила нам в зале на диване, попросту набросились друг на друга. Вначале у нас все проходило довольно сумбурно, затем, взявшись за дело более основательно и энергично, я заставил Нину стонать от удовольствия и при этом сам тоже чуть не стонал, покусывая ее плечи или прижимаясь щекой к стриженному затылку.

Пробуждение утром оказалось весьма приятным, хотя вставать пришлось в самую рань – в половине шестого, так как нашим дамам необходимо было поспеть на работу к семи. Мы съели по бутерброду с сыром и попили растворимого кофе, а девушки опрокинули еще и по рюмочке коньяка. Я помог Полине отвести ее дочь в детсад, расположенный рядом с домом, в глубине микрорайона; Нина, тем временем, по моему настоянию, вызвала по телефону такси – все нами делалось на бегу и все же мы едва успели к открытию парикмахерской. Всю дорогу я, не выпуская из своих рук ладони девушки, любовался Ниной: утром, без макияжа, поспав самую малость – от силы часа четыре, – она выглядела великолепно. Вот что значит молодая красивая женщина: глазки – горят, губки – сочные, алые, кожа гладкая, чистая; прическу моя пассия, насколько я успел заметить, тоже не делала – просто поправила волосы рукой, и они улеглись на свои места в нужном порядке, волосок к волоску – и ни расчесывать, ни укладывать не надо.

Последний торопливый поцелуй, ее требование, и, с моей стороны, горячие уверения не пропадать, затем наши дамочки выскочили из машины и побежали на работу, а мы, продолжив свой путь, отправились на винзавод.

Скажу наперед, что с Ниной, к сожалению, мне больше не пришлось встретиться, хоть я и нередко потом бывал в Москве – все как-то несподручно было, а вскорости я и вовсе позабыл, где и на какой улице находится та самая парикмахерская, где моя милая работала.

Подкатив к винзаводу, мы едва успели рассчитаться с водителем такси, как его тут же перехватил один из наших проводников, торопившийся в город; создавалось впечатление, что избалованные проводники не подозревают о существовании других видов транспорта, кроме такси. Впрочем, случалось и такое, что некоторые проводники держали около себя такси по целым суткам – и, когда они допоздна гуляли в ресторане, у дверей его стояла «волга»-труже-

ница, салон и багажник которой были забиты самыми разнообразными покупками, а ее водитель с газетой или журналом в руках терпеливо дожидался своего «жирного» клиента.

Рассказывали, что наши ребята-проводники как-то, раз и вовсе учудили: договорились с утра с водителем, что он будет их возить целый день, за что получит 250 рублей. С одной лишь оговоркой: если ему придется хотя бы в одном месте заехать в тупик или сдать задним ходом, ему оплачивают строго по счетчику и ни копейкой больше. Вот такая блажь. Водитель бахвалился, что знает всю Москву как свои пять пальцев, и уверял, что никогда ни при каких обстоятельствах не заедет в тупик. И вот, во время одного из многочисленных маневров, случилось так, что он попал-таки в, казалось бы, безвыходную ситуацию: машина, въехав в узкий переулок, уткнулась бампером в глухой забор новостройки. Проводники, оглядываясь по сторонам, стали подтрунивать над водителем, он же попросив всех оставаться на местах, вышел, – отсутствовал он минут пять, не больше, – и вдруг откуда-то к машине подбежало с полсотни мужиков в форме строительных рабочих, которые окружили ее, облепили, словно муравьи, поднатужились, подняли и развернули на месте, ровно на 180 градусов. После чего довольный водитель сел за руль и спросил проводников: «Ну, ребята, я нашего уговора не нарушил, правда? Задом не сдавал? Значит, все в порядке и мы едем дальше». Проводники по достоинству оценили его находчивость: при расчете, кроме денег, налили ему еще 20 литров вина – в подарок.

Теперь – о специфике нашей работы.

«Работали», то есть, торговали, – мы, проводники виноматериалов – практически круглые сутки, без перерывов и выходных, но все же график этой работы имел свою закономерность: с пяти-шести утра к вагонам шли патологические алкаши – выпить банку (0.5 л), чтобы похмелиться – у этих, по их собственным словам, горело в горле, а руки тряслись после вчерашнего. Лица их имели различные цвета и оттенки: от розового – у начинающих, до лилового – у «профи». Среди последних были и такие, что сами уже не могли удержать в руках банку или стакан и им помогали в этом другие, более стойкие собратья по несчастью. Таким я при необходимости рекомендовал прием, который некогда ранее подглядел на Кишиневском рынке: взявшись двумя руками за концы переброшенного через шею шарфа, одной рукой прихватываешь стакан, другой тянешь шарф вниз. Вторая рука, та, что со стаканом, скользит вверх, при этом стакан сам втыкается вам в лицо, а дальше все зависит от сноровки клиента – некоторые ухитрялись при этом выпить весь стакан, практически не проливая.

К семи утра начинали подходить работяги, направлявшиеся на предприятия – стройки, в мастерские и цеха, к станкам, дорожным машинам, кранам и другим всевозможным механизмам. Это были путейцы, дорожники, монтажники, токари, слесари, сварщики и т. д., – то есть, короче говоря, рядовые строители коммунизма. Эти пили на месте и (или) брали с собой – требуя налить в бутылку, банку, в каску, во фляжку, термос, в полиэтиленовый пакет и т. п., а некоторые брали сразу канистру – на бригаду.

К 8.30 поток страждущих ослабевал, почти сходя на нет, поэтому мы в 9.00 садились завтракать.

Следующие час-полтора к вагонам тянулись труженики среднего звена, или ИТР – учителя, прорабы, инженеры, техники и механики – с портфелями и дипломатами в руках, в костюмах и при галстуках: торопливо выпивая банку – Две, они, занюхав рукавом или вытаскивая из кармана горбушкой, порой конфеткой, бывало, яблоком, стыдливо озираясь по сторонам, уходили, торопясь на рабочие места и тут же их место занимали другие. Но стыдиться здесь было некого – все сюда приходили по одному и тому же вопросу, у всех был один и тот же синдром, потому что в нашей стране – все равны, как того и добивается вот уже 65 лет родная наша Советская власть.

Женщин среди жаждущих похмелиться было немного – процентов 10–15 от общего числа, возраст в основном 30–45 лет, изредка, правда, приходили совсем молоденькие девицы,

которых тут и называли-то ссыкухами – приходили они больше, думаю, из любопытства, чем из непреодолимого желания выпить.

К полудню к нам опять спешил рабочий люд – побаловать себя баночкой «к обеду» – для аппетита, а после 14 часов вновь наблюдалось некоторое затишье. В 16–17 трудящиеся возвращались с работы, – ну а после трудового дня, как они говорили, и «сам господь бог велел», поэтому пьянка возобновлялась с новой силой.

В 18–19 часов подтягивались опоздавшие и сомневающиеся – пить, или не пить – извечный русский, почти гамлетовский вопрос, а к 20.00 начинали подходить целые компании молодежи, которые, видимо, не представляли себе веселья без того чтобы не выпить вина. Следом за ними шли оптовики, которые, прикупив у нас 100–200 литров, в жилых районах ночью продавали его еще дороже, – это было самое горячее для нас время.

Общую «картину» правда, несколько портили алкаши-несуны, появившиеся у вагонов в любое, и чаще всего в «неурочное» время, из тех, что несли ворованное с производств, или же тянули из дома, причем тащили все подряд: часы всех марок – от песочных до напольных, метра в два высотой, но чаще, конечно же, наручные; новые обувь, одежду, ковры всех размеров и расцветок, золото – в изделиях и коронках, хрусталь, косметику, дефицитные лекарства; из продуктов – все, что только производилось во всех пятнадцати республиках нашей страны и завозилось в нее из-за бугра – стран социализма, Ближнего Востока, реже – Дальнего; а также – электроприборы и сантехнику отечественного производства; ну и напоследок – всякие запчасти – к чему угодно, хоть к космическим ракетам. Алкаши торговались, канючили, набивали своему товару цену, в итоге же все равно получали максимум 10 процентов от реальной стоимости, и при этом – никаких денег! – исключительно разбавленным вином.

Кое-какой товарец приходилось брать осторожно, с оглядкой и опаской, – встречались порой такие вещи, за которые можно было «сгореть» и в милицию залететь, а кому хочется с ней связываться? «Ненадежные», то есть рискованные товары, запрещенные к продаже или ворованные, покупали лишь те, кто только вчера – Сегодня слился и завтра уезжал из Москвы – и тогда ищи его, свищи на необъятных просторах нашей великой страны.

Некоторые лихие продавцы даже предлагали нам оружие – по их словам, заводской сборки пистолеты и ружья отечественных марок всех систем и калибров, а иногда и самодельные, которые были качеством не хуже заводских, но наши ребята брали такие вещи в основном в Туле – оружейной кузнице страны, где, кстати, в это самое время обитался мой друг Жердь. Именно в описываемый период плюс-минус несколько месяцев у одного из наших ребят-проводников менты как-то при обыске вагона изъяли пистолет ТТ с дарственной надписью: «Кагульским проводникам от Тульских оружейников» и ему потом в КГБ долго пришлось объяснять, почему «подарочный вариант» пистолета стоил пять ведер вина вместо четырех по сравнению со стоимостью обычного. Парень, конечно же, сказал, что он – де вообще-то думал, что это и не боевой пистолет вовсе, а сувенирная зажигалка.

Во второй, то есть последний день нашей законной торговли в дверь вагона постучали, затем кто-то из клиентов поставил на пол в проеме двери вагона белую канистру с синей ручкой и я услышал: «Хозяин, наполни емкость». Я с ходу определил – канистра на 8 литров, и выглянул за дверь, чтобы получить от покупателя деньги. И увидел там двоих мужиков, на алкашей даже отдаленно не похожих: стрижки короткие, аккуратные, руки чистые, не загрубевшие от трудной работы, при этом их лица алкоголем, как, впрочем, и интеллектом, также не были обезображены.

– 30 рублей, пожалуйста в кассу, – сказал я. (Если сомневаешься в покупателях, или думаешь что они – подставные, менты, то есть, требуй деньги вперед – эти не дадут – так гласил совет опытных проводников начинающим).

– Потом получишь деньги, ты налей сначала, – хмуро пробасил один из мужиков.

– В таком случае не будет вам вина, – состроив скучное лицо, сказал я, пинком выбросив канистрочку на землю. Мужики попытались спорить, но я наливать наотрез отказался. У вагона в течение последующих десяти минут образовалась целая очередь, но я стал в позу и не торгую, клиенты волнуются, возмущаются задержкой, задние, ничего не понимая, напирают на передних, мы несем убытки, в соседних вагонах коллеги тоже нервничают – навар-то уплывает, в общем, непорядок. Наконец нервы у одного из этих двоих не выдерживают, он достает и показывает удостоверение.

– 113 отделение, – говорит он. – Лейтенант Травкин, это наш участок.

Люди умолкают и опасливо зыркая по сторонам, жмутся к вагону; кое-кто из них, особенно «бартерные» несуну, отходят в сторону.

– Очень приятно, – отзываюсь я, – так бы сразу и сказал.

И тут же предложил милиционерам подняться в вагон «для взаимного ознакомления с документами». У меня был совсем небольшой опыт работы проводником, зато солидный – общения с работниками милиции, причем на разных уровнях – от рядовых и вплоть до майоров с подполковниками. Посадив милиционеров на топчан и пожурив их за «подлый» прием с канистрой, я налил им по стакану сухого вина. Выпить-то они нашего вина выпили, хоть и скривились, конечно, но канистру свою попросили наполнить исключительно портвейном – для начальства, мол. Пришлось нам одалживать крепленое вино у Ивана и отдавать ему потом сухим из расчета два к одному, после чего мы с радостью и к взаимному удовольствию распрощались с представителями правопорядка и продолжили свою работу.

К 10–11 вечера подходили все те, кто недобрал, или не успел в магазин, кафе или ресторан; позднее, к полуночи – подтягивались все остальные, кто еще хотел выпить, но уже не имел где.

После полуночи шли самые стойкие, или те, кому требовалось кого-то срочно спойть: соседа, его жену, подругу, которая без стакана ни-ни, карточного партнера; дамочки легкого поведения и проститутки приводили своих клиентов и наоборот. Народ шел к вагонам пешком, приезжал на велосипедах, мотоциклах, в автомобилях, были и такие, кто добирался на такси – некоторые таксисты, приноровившись, подъезжали по нескольку раз за ночь, привозя клиентов.

Однажды ночью мне не спалось, и я прогуливался около вагонов, когда (а было что-то около двух ночи) к нашей базе подъехала не совсем обычная машина – черная «волга» сразу с несколькими, торчащими из крыши антеннами. Из нее выбрался представительного вида мужик в плаще, который ни секунды не раздумывая направился ко мне, – я был на этот момент единственным, к кому он мог обратиться.

– Слушай, парень, я могу здесь купить вина? – бесхитростно спросил он, внимательно осмотревшись по сторонам.

– В такое позднее время вы уже вряд ли кого найдете, – осторожно ответил ему я.

– Мне позарез нужно хотя бы три литра крепленого вина, – сказал он. – Выручай, товарищ, если можешь.

– А вы сами, извините, кто будете, товарищ? – в тон ему спросил я.

– А ты как думаешь? – спросил он вместо ответа.

– Ну, например, полковник КГБ, – ответил я, почесав по-простецки в затылке.

Мужик удивленно посмотрел на меня, затем хмыкнул и утвердительно покачал головой.

– Да... ты, парень, угадал. Вот, иду к женщине, а без этого... – он щелкнул себя указательным пальцем по кадыку, – сам понимаешь...

Я, честно говоря, не понимал, но кивнул и направился к «дежурному» торгующему вагону.

– Возьми с него поменьше, 10 рублей, по старой цене, – передавая мне полную банку, опасливо косясь на двери, сказал проводник, когда я ему в двух словах описал нашего клиента.

Комитетчик принял из моих рук банку, сунул мне четвертной, буркнул «спасибо» и, счастливый, прижимая к груди драгоценный сосуд, заторопился к машине.

«Надо же, даже эти не могут себе купить выпить, когда им того захочется» – подумал я, решив оставить себе лишние 15 рублей – за находчивость.

На следующий вечер, когда мы с Ванькой – сапожником, скучая и беседуя о всяких пустяках, прогуливались по нашим вагонным окрестностям, нам повстречалась небольшая компания – парень и две девушки, которые переговариваясь между собой, с интересом озирались по сторонам, то есть явно находились на базе впервые.

Я спросил их, чего они тут ищут, и ребята заробели, застеснялись, затем парень, справившись с собой, сообщил, что у него сегодня день рождения – ему исполнился 21 год, и он, мол, хочет выпить вина вместе со своей девушкой и ее подругой. Выслушав его, я подмигнул Ваньке, тот, как ни странно, сразу меня понял и направился к своему вагону, чтобы обслужить клиентов.

У ребят оказалось с собой всего шесть рублей (наивные, они хотели на эту сумму именины отгулять?!) и Ваня налил каждому по пол-литровой банке портвейна. На этом финансовые возможности ребят исчерпались, и я очень натурально предложил выпить за молдавско-московскую дружбу (именно так я, дурень, и выразился, не дав себе труда придумать чего-нибудь пооригинальнее).

Ваня пустил банку по кругу, денег с наших новых друзей мы, естественно, не требовали. После второго круга я попросил Ивана наливать вино в стаканы – негоже, мол, новым друзьям выпивать, словно алкашам, из банок. С этой минуты Ваня деловито наливал в наши с ним стаканы портвейн, на две трети разбавленный водой, а ребятам – неразбавленный крепляк.

Паренек, сопровождавший девушек, именинник, был на вид совсем еще юным, хотя, если верить его словам, отслужил уже в армии, а девушки были еще моложе и довольно привлекательны внешне: одну из них, старшую, звали Олеся, а младшую, которая считалась пареньку невестой – Нонна.

Я принес из своего вагона коробку конфет, чтобы подсластить спаивание наших клиентов, на что Ванька недовольно покачал головой – он был против лишних накладных расходов и даже мои конфеты жалел. Через полчаса щедрых возлияний парнишка был уже совсем никакой, а девчонки, как ни странно, все еще держались, и тогда я шепнул Ваньке, чтобы плеснул им в стаканы спирта, не то они, мол, выхлебают по ведру портвейна каждый.

Следующие «коктейли» для наших «новых друзей» были пополам со спиртом и крепостью, пожалуй, поболее, чем водка, в результате чего, естественно, наступил неизбежный финал – уже никто из наших гостей лыка не вязал. Я, все это время употребляя разбавленное до слабой консистенции вино, и то почувствовал, что довольно прилично набрался.

Наконец в какой-то момент парню стало плохо, затошнило, и Ванька взялся проводить его «пописать». После недолгой прогулки Ваня вернулся один, и на мой немой вопрос хитренько мне так подмигнул. Нонна, малолетка, заподозрив что-то неладное, собралась было идти разыскивать своего жениха, и тогда я спросил ее насмешливо: «Ты что же, и в туалет за ним ходишь?» и тогда она оставила эту затею, решив подождать, пока ее парень придет сам.

Прошло еще с четверть часа, парень, естественно, не возвращался, но наши «дамы» к этому времени уже перестали о нем беспокоиться, так как теперь сами «плыли», и мы без труда разнесли ничего не соображающих девушек по своим вагонам, – я унес Нонну. Когда я, с трудом подняв девушку по ступеням вагона, бережно уложил ее на свой лежак, она, совсем по-детски протирая глаза, спросила: «А где Олеся?», и тут же, без паузы, заплакала.

– Чего ты плачешь? – спросил я.

– Я плачу, потому что теперь достанусь тебе.

– А кому ты хотела достаться? – спросил я.

Она не ответила и продолжила реветь.

– Спи, дуреха! – сказал я, наклоняясь над ней и укрывая до шеи одеялом, после чего, вздохнув, полез на верхнюю полку.

Мой напарник Николай этим вечером в вагоне отсутствовал. Еще в полдень он отправился в Москву, затем у него была запланирована встреча с друзьями в ресторане «Охотник», поэтому я его рано назад не ожидал.

Раздумывая, прилечь мне к Нонке, или нет, и так и не решив, я уснул. А проснулся уже утром, где-то около семи. Голова после вчерашних возлияний слегка побаливала. Я поднялся и осмотрелся в купе. Кольки все еще не было, и это, пожалуй, было хорошо, подумалось мне, а то бы он, вернувшись, наверняка бы полез на нашу «гостью», а мне почему-то этого не хотелось. Я спустился с полки и поглядел на девушку: Нонна спала как ребенок, подперев кулаком щеку, но, видимо почувствовав сквозь сон взгляд постороннего человека, открыла глаза. При этом она смотрела на меня испуганно, и даже враждебно.

– Скажи, Нонка, а ты девственница еще? – спросил я.

– А что? – насупилась она.

– А вчера вечером ты плакала, говорила, что не хотела бы попасть в мои руки.

Нонна вдруг стала себя ощупывать и оглядывать.

– Чего ищешь, дуреха, все у тебя на месте, – усмехнулся я, выпивая подряд две кружки холодной воды из крана, затем открыл дверь и прыгнул на землю. Пустырь встретил меня утренней свежестью и прохладой, высокая, до колен сорная трава была покрыта росой. Я пошел вдоль железнодорожной ветки, и пройдя метров сто, обнаружил нашего вчерашнего "героя" – Именинника. Он спал, расположившись прямо на путях, подушкой ему служил рельс (?!), а на лице гуляла блаженная улыбка. А если бы этой ночью проводились маневровые подвижки, подумал я, что нередко здесь бывает? Паренька бы попросту размазало по железке.

– Эй, вставай, женишок, – ткнул я его ногой в бок. – А то всех невест растеряешь. «Ишь ты, а ведь он трижды счастливчик, – вдруг подумалось мне. – И напился на халяву, и жив остался, и невеста, хотя и спала рядом с чужим мужчиной, в целости и сохранности».

Парень с моей помощью поднялся на ноги и стал озиаться по сторонам. Он, судя по всему, не припоминал ни того, что с ним произошло вчера вечером, и не узнавал меня. «Это к лучшему», – подумал я и повел его в сторону дороги. Под левым глазом у парня красовался огромный лиловый фингал. «Ванька подвесил», – усмехнулся я.

Я довел парня до шоссе, объясняя ему, в какую сторону лучше пойти, чтобы скорее добраться до жилого массива, и добавил, что вчера его девушки направились именно туда, решив, что он, опьянев, отправился домой раньше их. Паренек, даже не поблагодарив за помощь и не попрощавшись, пошагал в указанном мною направлении, а через сотню шагов, как мне показалось, даже припустил трусцой.

Когда я вернулся, Нонна стояла около вагона и тревожно оглядывалась по сторонам, но парня своего, слава богу, с этого места не увидела. Вместе с ней мы отправились искать Олеся. Подойдя к Ванькиному вагону, мы застали милую картину: Олеся и Иван, сидя на скамеечке у открытых дверей вагона, пили из граненых стаканов коньяк!

– Вот, Савва, тут Петро для тебя кое-что передал! – радостно сообщил мне Ванька, показывая наполовину опустошенную бутылку.

– Оно и видно по вашим счастливым лицам, – отозвался я. – Не зря я торопился, как чувствовал, что вы собираетесь опорожнить всю бутылку без меня.

Олеся спустилась вниз и девчонки отошли в сторону, не желая при посторонних оглашать свои ночные восторги и огорчения. Я тем временем сбегал к мангалу за чайником и, сполоснув стаканы, стал насыпать в них растворимый кофе.

Ваня недвусмысленно моргал, кивая в сторону девушек и при этом радостно и слащаво улыбался, и я с такой же глупой улыбкой кивал ему в ответ: не станешь же ему объяснять, что

Нонку я не тронул, спросит ведь, почему да отчего. Объясню – а он все равно не поймет, да, пожалуй, и не поверит.

Когда девушки, вдоволь наболтавшись, вернулись к вагону, я разлил по стаканам остатки коньяка и сам с удовольствием выпил. Девушки последовали моему примеру, затем Олеся спросила:

– А где нам теперь Игоря искать, в каком он вагоне?

Мы с Иваном оценили шутку и весело рассмеялись, потом я сказал:

– Можете за него не волноваться, вы найдете своего парня дома, в целости и сохранности. – При этих словах я выразительно посмотрел на Нонну.

– Я очень признательна тебе за вчерашний вечер, – смущенно опустив глаза, сказала она. – За то, что ты повел себя, как настоящий джентльмен.

Растроганный, я шагнул к ней, обнял, прижавшись щекой к ее щеке, и сказал чуть грубовато:

– Ладно, будешь должна. При следующей нашей встрече отдашь должок, разумеется, я имею в виду, уже после свадьбы.

Олеся понимающе улыбалась, Нонна зарделась, один Ваня из нашего разговора ничего не понял. После того, как мы вместе допили кофе и коньяк, девушки попрощались и ушли.

Надо сказать, с женским полом на базе у проводников проблем не было. Ребята снимали девиц в кафе и ресторанах, в парках и скверах, у кинотеатров и в магазинах, затем ехали к ним на квартиры, случалось, что и в гостиницы, или же привозили сюда; были и такие девицы, что сами к вагонам приходили. Эти просили за секс немного денег или отдавались за выпивку. Одна из таких безотказных «мадам» по имени Света продержалась на нашей базе дольше всех – около месяца. Она «кочевала» из вагона в вагон и тут ей было все: еда и постель, и каждодневный неприхотливый секс. Редкий вагон она обошла стороной, никому не отказывала, но при этом, как ни странно, сама никакой болячки не прихватила и другим не разнесла. Я ее видел всегда в одной и той же кофте ручной вязки, а ведь по утрам бывало прохладно. Конечно, летом этого было достаточно, но ведь не за горами была осень. Спросил ее, есть ли у нее куртка, усмехнулась, ответила, что нет. И вот как-то раз я, когда почти все проводники собрались за обедом, кликнул клич:

– Давайте, друзья, скинемся Светке на куртку, ведь помрет она осенью, а уж тем более зимой, от холода.

Проводники замялись, отводя глаза в сторону, а я возьми им, да и скажи:

– Пусть каждый из вас даст всего лишь по рублю за раз, что с ней был, причем принимаются рубли исключительно металлические.

Идея неожиданно понравилась, видимо, своим юморным подходом, все дружно скинулись, набралось около 70 рублей, на которые наш «доверенный» алкаш, посланный со Светланой в магазин готовой одежды, приобрел для нее болоньевую куртку на теплой подстежке. Надо ли говорить, что Светлана была необычайно тронута неожиданным, но таким предусмотрительно нужным подарком.

Вот так мы жили, питались, отдыхали и развлекались.

Наша очередь на слив тем временем тоже двигалась. Оставался всего один день до того, как наши вагоны должны были поставить на рампу, когда нас с Николаем вызвали к технологу завода и тот вручил нам документ на переадресовку в город Калинин, объяснив, что народ там прямо задыхается без сухого вина, а тут, в Москве, оно и на фиг никому не нужно.

После этого наш размеренный ритм жизни в Мытищах был нарушен, время заметно ускорило, к обеду наши вагоны «выкинули» на рабочую ветку, а к ночи мы уже стояли на одной из многочисленных товарных станций города для комплектации в состав.

Проснувшись рано утром, мы обнаружили, что наши вагоны уже стоят в составе, но, судя по всему, еще не готовом для отправки. Расспросив вагонного осматривщика, где находится

ближайшая столовая, мы выслушали его обстоятельный ответ, после чего, прихватив с собой деньги и, перейдя перекинутый через пути мостик, углубились в жилой микрорайон.

Завтрак с ходьбой туда и обратно занял у нас чуть больше часа времени, а когда мы вернулись, Николай каким-то образом только по внешнему виду определил, что с нашей «бандурой» что-то не в порядке и мы тут же полезли наверх – проверять.

– Так я и знал! – вскричал Николай, поднимая крышку цистерны.

Она оказалась незапертой, так же как и люк под ней и, по нашей самой приблизительной оценке, на глаз, из цистерны было вычерпано не менее полутонны вина.

Коля велел мне оставаться у вагона, а сам побежал к подсобным помещениям – бытовкам, которые располагались метрах в пятидесяти от путей.

Через пять минут мы уже точно знали, кто начерпал вино – в бытовке мой напарник обнаружил спрятанные под грязным тряпьем металлические емкости – фляги – именно с нашим сортом, но там его в общей сложности оказалось не более ста литров, остальное находилось где-то еще.

Побежали к дежурному по станции, объяснили ему, что да как, тот лишь развел руками: «Доказать надо. Дайте нам фамилии виновных, мы их обязательно накажем». Станционная охрана – ВОХР – тоже не знала, как и чем нам помочь. Никто не хотел принимать меры, а ведь пока мы бегали туда и обратно, железнодорожники только и ждали, чтобы нырнуть в подсобку и вынести емкости наружу, чтобы перепрятать, или, в крайнем случае, вылить вино в канализацию.

Милиция по телефону 02 ответила, что на такие происшествия они не выезжают, и мы поняли, что даже в самой столице никому до воровства государственного добра никакого дела нет. С переговорного пункта мы сумели дозвониться до нашего завода в Молдавии, а те посоветовали обратиться в милицию...

Круг замкнулся. А нам позарез нужна была хоть какая-нибудь бумажка, подтверждающая факт хищения, чтобы потом было легче оправдаться, если, например, случись у нас недостача при сдаче вина в Калинине. Но все оказалось без толку, никто нам такой справки давать не собирался. Последней попыткой добиться хоть какой-нибудь справедливости был наш поход в городской суд, здание которого находилось неподалеку от Савеловского вокзала. Там мы решили посоветоваться по нашему делу с адвокатом по уголовным делам. Для этого мы потребовали от станционного руководства, чтобы наши вагоны отцепили, поставили в тупик и опечатали, хотя бы для того, чтобы за это время – пока мы отсутствуем – сами вагоны не были отправлены к черту на кулички, так как путейцы с легкостью могли проделать и такой фокус.

Затем Николай отправился на поиски адвоката, а я на всякий случай остался дожидаться на вокзале, откуда хорошо были видны наши вагоны. От нечего делать я стал наблюдать за пассажирами – сколько себя помню, обожаю вокзалы; по моему мнению, именно здесь, как в кинофильмах, только без вымысла, взаправду, концентрируется вся человеческая жизнь.

Вот рядом со мной в ожидании своей электрички обосновалась компания, состоящая из трех мужчин и одной женщины, которая, как я вскоре понял, была женой самому старшему из них и матерью двум другим. По-соседству, в пяти-шести шагах от них, расположилась другая компания, вернее, целая цыганская семья – среднего возраста растрепанный мужик, старая, коричневого цвета высохшая морщинистая старуха, беременная молодуха с огромным животом и с ними четверо малых детей, по виду погодков, детей молодухи.

Поглядывая по сторонам, я поневоле то и дело обращал внимание на тех и на других: обе компании были по-своему живописны, ну а шумны и крикливы они были практически одинаково.

В семейной компании четверых из многочисленных сумок, которые они везли с собой, каждые 10–15 минут извлекалась очередная бутылка портвейна 0,7 литра и ее тут же разливали на всех – очень удобно, на круг каждому выходило почти по полному стакану, ну а бутылки,

судя по всему, имелось в их багаже предостаточно. Шуткам и прибауткам, которые в компании так и сыпались, словно из рога изобилия, тоже не было конца, причем с каждой выпитой бутылкой они становились все проще и скабрее. Старшему в компании, отцу семейства, круглолицему лысому весельчаку, на вид было не более 50 лет, и он, судя по покрасневшему лицу, был уже прилично на взводе: жена уже несколько раз порывалась забрать из его рук полный стакан, чего, правда, ей не удавалось, зато и сама она прикладывалась к стакану с завидным постоянством.

В компании цыган тоже повода к скуке не было: беременная надумала рожать, причем прямо на месте, то есть на глазах сотен и тысяч людей. И что вы думаете, в течение получаса она таки благополучно разрешилась от бремени чуть ли не на голом бетоне перрона, родственники едва успели что-то там под нее подстелить, а вскоре старая цыганка во всеуслышание объявила обступившим их зевакам, что родился мальчик.

Тем временем веселая четверка, ни на кого не обращая внимания, продолжала веселиться, то и дело доставая очередную бутылку; женщина и мужчины заразительно смеялись и в какое-то мгновение даже не заметили, как лысый мужчина, перестав смеяться и побагровев лицом, повалился прямо на бетон станционного перрона.

Я крикнул им, указывая на упавшего, и лишь тогда они спохватились и, сгрудившись вокруг него, стали хлопотать да причитать. Мне в это время понадобилось отойти, а когда я, спустя несколько минут вернулся, эта история уже приняла драматический характер: лысому какой-то человек из пассажиров довольно-таки профессионально делал искусственное дыхание, но это мало помогало, лицо его приобрело синюшный оттенок, затем у лысого хлынула кровь горлом и спасательные действия были приостановлены.

Я побежал к телефонам– автоматам, чтобы вызвать «скорую помощь», а на обратном пути привел с собой с вокзала девушку–фельдшерицу, которая при виде несчастного лысого сама чуть не брыкнулась в обморок.

«Скорая» приехала с сильным опозданием, ждать ее пришлось около 40 минут (?!), а дело, можно сказать, происходило чуть ли не в центре Москвы к стыду нашей медицины. Толстенный врач с козлиной бородкой, тяжело вздыхая, не торопясь выбрался из машины, бесцеремонно растолкал толпу, наклонился над больным, несколько секунд разглядывал лысого, пощупал для проформы пульс, затем сказал:

– Грузите его в машину. И попрошу кого-нибудь из родственников проехать вместе с нами.

«Умер!» – понял я, да и окружающие тоже поняли, потому что вокруг вдруг заохали окружающие женщины, а жена лысого забилась в истерику.

Роженицу забрала другая «скорая», подъехавшая несколькими минутами позже, причем в машину непостижимым образом уместилась вся цыганская семья.

Мой напарник Николай появился вскоре после завершения обеих этих историй: он вел под руку адвоката, благообразного, с дипломатом в руке, солидно одетого худощавого человека лет сорока, который согласился проконсультировать нас вот так, на ходу, причем совершенно бесплатно.

Вот что он, внимательно выслушав нас, посоветовал: «Возьмите-ка-а, вы, ребята, обыкновенной воды, залейте ее вместо украденного вина, и все проблемы исчезнут сами собой».

Мы молча переглянулись между собой, затем поблагодарили его, попрощались и направились к своим вагонам. Великолепная подсказка, только ведь мы ее и раньше знали, без каких-либо консультаций! Теперь нам с Николаем предстояло хорошенько подумать и решить, каким образом можно благополучно проскочить предстоявший нам забор анализов и замеры количества вина, ведь к этому моменту у нас его не хватало уже более двух, если не трех тонн! Конечно, мы перекачали из емкости для льда имевшуюся там воду в количестве тонны, или чуть больше, но что делать с остальной недостачей?

До Калинина мы добирались почти двое суток, и настроение всю дорогу было не из веселых – что нас там ожидает?

Город Калинин, являющийся областным центром, по сравнению с Москвой выглядел обыкновенным захолустьем. Провинциальный городок, пребывающий в сонном состоянии, казалось, в любое время года, месяца и время суток, удивил нас тишиной и спокойствием. К исходу второго дня, уже находясь в черте города, мы, преодолев последний отрезок пути, увидели из окна вагона знакомые контуры винзавода: к слову сказать, они по всей стране похожи между собой как родные братья. Увидели – и вздохнули с облегчением: очереди под слив на местном заводе не оказалось, да и дорожные мучения как будто остались позади. Теперь нас волновал лишь предстоящий забор анализов и, в частности, его результат.

Вздохнуть мы вздохнули, да видимо преждевременно, так как едва маневровый дизель приткнул наши вагоны к самым воротам завода, как совсем неожиданно около нашего вагона началась настоящая свистопляска! Непонятно откуда взявшиеся покупатели, вооруженные разнокалиберной посудой, невзирая на то, что вагоны стояли чуть ли не у проходной, в поле зрения сторожей, повалили к нам толпой, требуя вина. Возможно, это предыдущие проводники приучили их к этому, а ведь нам ну никак нельзя было торговать: незнакомый город, при этом никакой информации о методах забора анализов на этом заводе и т. д., не говоря уж о солидной недостатке, уже наличествующей у нас...

Наглухо закрывшись изнутри, мы с большим трудом продержались до утра, не уснув ни на минуту из-за непрерывного стука в двери: приходилось отговаривать людей покупать и пить сухое вино, которое, как я объявлял жаждущим гражданам, «непривычно и оттого весьма вредно российскому желудку».

Утром на рассвете появился маневровый тепловозик, неказистый внешне, но зато с очень крикливым голосом, и мы вздохнули с облегчением. Он затолкал наши вагоны непосредственно на территорию завода, а уже спустя несколько минут явилась молодая женщина-лаборант для взятия анализов. При ее появлении мы с Николаем обомлели: это была стройная, кареглазая шатенка в узкой и короткой юбочке, черных колготках и накинутом сверху халатике, который эту юбку даже не прикрывал.

Эта хорошенькая лаборантка показала нам редкостным садовым цветком в пыльно-серой, будничной и примитивной обстановке завода. Дамочка, которую звали Катерина, оказалась ко всему прочему не лаборантом, а технологом, которую попросили взять пробы по причине того, что лаборантка, обычно делавшая забор анализов, приболела.

Мы с Николаем, услышав об этом, отошли в сторонку и в диком немом восторге уставились друг на друга. Вот это, что называется, повезло! Наконец-то! Вот он, наш шанс! Неопытная работница, прибывшая делать анализы, была нашей последней надеждой и должна была стать нашей спасительницей. Неужели у нас после всех мызг и передрыг будет в итоге хороший результат анализов? Ведь в противном случае мой первый рейс автоматически становился последним, а Николай, тот и вовсе мог под суд попасть.

Я поднялся на крышу вагона и подал карабкающейся следом за мной Екатерине руку, а Николай все норовил подставить под ее каблучок то руку, то даже свою голову, лишь бы дамочке было удобно...

После того, как я развинтил крышку «бандуры» и мы с Екатериной взяли анализы, Николай отправился осматривать насосы со счетчиками, с помощью которых здесь сливают вино – в вопросе подсчета сливаемого вина у нас был шанс поспорить с руководством завода, если что-то вдруг будет складываться не в нашу пользу. Когда несколько позднее я пришел к Катюше в лабораторию и с затаенным сердцем поинтересовался, как наши дела, оказалось, что у нас 800 литров недостача (это и понятно, потому что даже припасенной и сохраненной в ледниках воды оказалось недостаточно), зато анализ на спирт показал на 0,2 градуса больше нормы (этот факт тоже имел свое объяснение, так как явился результатом нашей ночной «операции», во

время которой Николай осторожно налил поверх вина литруху спирта, получив в итоге эдакую спиртовую пленку).

Услышав данные замеров, я понял, что настала моя очередь действовать. Включив все свое обаяние, я дополнил его приличных размеров мешочком грецких орехов, несколькими новыми книгами дефицитной приключенческой литературы молдавского издания и парой литров спирта.

В итоге «лишние» градусы испарились, а недостача уменьшилась до 200 литров (так было легче исправить цифру в документе – с восьмерки на двойку). Причем в результате всех этих исправлений завод даже выиграл! Можете себе представить, как мы с Николаем возликовали?! На радостях я, искупавшись в заводской душевой и переодевшись в приличную одежду, решил напроситься к Катерине в гости, – добрые люди, работавшие вместе с ней на заводе, подсказали, что она не замужем и живет одна на съемной квартире. Но с налету у меня не получилось с ней договориться, и мне удалось лишь проводить Катерину до автобуса, из окна которого она мне на прощание помахала ручкой.

Увы, уж такой народ эти женщины, что, видимо, с расстояния чувствуют, платежеспособен мужчина, или же гол, как сокОл. Вернувшись в вагон, мы с Николаем пересчитали наши ресурсы: на «завоевание» города оставалось чуть меньше 400 рублей.

«..Пока еще жить можно», – как говаривал великий Остап Бендер, и мы с ним были полностью согласны.

Спешу заметить, что с любым другим напарником мне бы этих денег хватило, как минимум, на пару недель, а то и на месяц и даже два, но только не с этим – завзятым гулякой и транжирой, так как завтракали, обедали и ужинали мы исключительно в кафе и ресторанах, после чего отдыхали в барах, потягивая невкусные местные коктейли. Рядом с нами то и дело мелькали какие-то девушки, «знакомые» Николая, которые после угощения сразу же куда-то исчезали; во время прогулок по городу мы по требованию Николая то и дело покупали какие-то местные сувениры, в результате чего, к исходу второго дня, когда наш опустошенный вагон «выкинули» за ворота завода, деньги закончились, и лишь в стеклянной банке еще оставалась кое-какая мелочь.

– Ерунда, – успокаивал меня Николай, – теперь наша главная задача – домой доехать, все остальное позади.

Наутро мы стали молиться, чтобы маневровый поскорее забрал наш вагон с территории завода и поставил в состав на отправку, однако одних лишь молитв оказалось недостаточно – сцепщик потребовал чайник вина, и, не получив его (а оно у нас, как вы знаете, насухо отсутствовало), обиделся и отбыл восвояси, а мы остались прозябать за заводской оградой при своих интересах.

Хреновые наши дела, решили мы с Николаем, даже домой не отправляют, хоть бери и начальнику сбыта товарищу Пескову телеграфируй, чтобы выслал аванс деньгами, или каким-то образом передал пару канистр вина.

Вечерело, я, сидя на топчане, пересчитывал мелочь, распределяя ее по дням на хлеб и кефир, а Колька от нечего делать развлекался, крутя в руках игрушечный стреляющий пистолетом револьвер, который, кстати, был очень похож на настоящий. Неожиданно в дверь постучали. Я приоткрыл ее и высунул голову наружу.

– Нача-а-а-ник! – блатным тоном просипел стоявший возле вагона лысый, весь в наколках, здоровяк в тельняшке. – Плесни пару литров вина, в натуре, душа болит.

– Нет вина, земляк, извини, – ответил я ему проникновенно– скорбным голосом.

– Что значит «нет»? – сразу обиделся лысый. – Я только на днях от «хозяина» вернулся, откинулся вот, два года парашу нюхал, отбарабанил от звонка до звонка, а ты не хочешь меня угостить?

– Сейчас, – начиная сердиться, ответил я, – подожди. Только разрешение у брательника спрошу, он «червонец» оттянул, тоже только откинулся.

Колька, слышавший весь этот разговор, изменил выражение лица с нормального на зверское, после чего высунулся в дверь и прорычал:

– А ну, кто это там, бля, бухтит? Засвети хлебало!

Лысый под его взглядом заметно съехал в размерах.

– А ну ты, сявка, сквозани отсюда на хер! – лениво закончил Колька.

Лысый подобрался и мгновенно исчез. Мы с Колькой переглянулись и рассмеялись.

Прошло еще полчаса, и настала уже моя очередь отпугивать клиентов: на этот раз перед нами предстали два милиционера – каждый с двумя соплями поперек погона – младших сержанта, с ними были две молоденькие девушки классического провинциального типа: круглолицые, с веснушками, пухленькие, белотелые, с толстыми пшеничного цвета косами до пояса, в одинаковых ситцевых сарафанах в горошек; возможно, они были сестры. Манеры у их ухажеров – милиционеров, однако, были точь в точь как у сбежавшего накануне блатного:

– Начальник, выдели нам пару литров вина, у девушки вот, день рождения.

Милиционер явно красовался, желая насладиться властью работника в погонах над простыми смертными, то есть нами, и продемонстрировать это перед своими дамами.

– Вина у нас нет, командир, а ты лучше пойдешь, угости свою девушку лимонадом, – миролюбиво сказал я. – Она, как мне кажется, еще несовершеннолетняя.

Мусор выпятил вперед челюсть и надулся, как индюк:

– Вот мы сейчас поднимемся в вагон и проверим, чем вы там занимаетесь и сколько у вас имеется вина.

– Вина у нас нет, сказано тебе, – повторил я. – А чтобы проверить это, надо иметь специальное разрешение, которые, извините, сержантам не выдаются. (В отделе БХСС, который нас обыкновенно курировал, как я знал, работают исключительно офицеры).

Второй мент, решив не ударить перед девушками в грязь лицом и заступиться за товарища, тоже стал духариться:

– А ну ты, молдаванская морда, давай слазь с вагона, мы сейчас с тобой быстро разберемся.

– Это кто, бл*я, морда? – грозно говорю я, забирая из рук Кольки игрушечный револьвер. – Да я тебя убью, падла! – И нацеливаю его на мусоров.

Менты, увидев ствол, на мгновение опешили, затем один из них, метнувшись вдоль вагона, прыгнул под него «рыбкой», а второй, петляя как заяц, падая и кувыркаясь через каждые десять шагов, рванул наискось через пустырь, на котором наши вагоны располагались.

И только их подруги, две милые пухленькие девушки, сиротливо прижимаясь друг к дружке, остались стоять у дверей вагона.

– Стой, б*я! – кричал я ментам вдогонку. – Стой, стой мусор, стрелять буду!

– Да! – восхищенно качал головой Колька, провожая убегающих ментов взглядом. – Спортивные ребята. Хорошо их в милиции готовят.

– Девчонки, – обратился я к девушкам, – поверьте, мы бы вас с удовольствием угостили, да извините, сегодня нечем, вы уж оставьте адресок, мы как-нибудь в другой раз заедем.

Девушки, не сказав ни слова и взявшись за руки, неторопливо отправились на поиски своих горе-ухажеров, а Коля отобрал у меня пистолет и со словами «ну все, хватит людей пугать», спрятал его подальше.

Мы ожидали, что после моей дурашливой шутки с пистолетом к нашему вагону вот-вот заявятся несколько десятков настоящих ментов с автоматами, и станут вагон окружать, а то и вовсе брать штурмом (в те времена в Союзе именно так реагировали на появление боевого оружия в руках гражданских лиц), но ничего подобного не произошло – стыдно, наверное,

было защитникам правопорядка идти в свой РОВД и рассказывать, как все было на самом деле, вот и замолчали парни эту позорную для них историю.

На следующее утро жадный до халявы сцепщик опять не пожелал ставить наши вагоны в состав, пришлось взамен вина подарить ему два набора стаканов, произведенных тут же, в городе Калинин, и купленных нами в качестве сувениров, после чего мы наконец-то тронулись в путь. А еще спустя сутки мы в составе товарного поезда, обогнув Москву, устремились напрямиком на запад и каждый перестук колес, казалось, шептал нам в уши: «В Молдавию, в Молдавию, домой в Молдавию».

В дороге мы по несколько раз в день баловались чайком и кефиром, а по ночам, раз в сутки, выбирались из вагона и заходили в станционные столовые, где, рассчитываясь московскими и калининскими сувенирами, отдаваемыми тамошним кассиршам за бесценок, обедали. Их при этом еще и уговаривать приходилось, объяснять, что к чему, умолять, чтобы не позволили нам умереть голодной смертью. Когда мы добрались до Жмеринки, у нас уже не осталось ни денег, ни сувениров.

Мы стояли на станции Жмеринка, было что-то около трех ночи, когда в дверь вагона постучали, сначала тихо, потом громче.

– Не видишь что ли, на родину, порожняком идем, твою мать! – крикнул я раздраженно, не вставая с полки (я спал на нижней, и в мои обязанности входило открывание двери).

– Открой, земляя, – послышалось в ответ.

Понимая, что эти «хохлы настырные» все равно не отстанут, я приоткрыл дверь и, высунувшись наружу, увидел огромного детину в путевой форме.

– Ну, чего ты колотишь, змей? Тамбовский волк тебе земляя, понял. Сказано же, порожние мы, домой идем.

– Наляй стаканчик, – добродушно глядя на меня, сказал детина.

– Вот же люди странные, – развел я руками. – Ты спроси меня, видел ли я за последние три дня кусок хлеба, – пристыдил его я и прикрыл дверь. Минут десять было тихо, и я уже вновь стал задремывать, когда в дверь вновь постучали. Я, пыша злобой, рывком открыл дверь и увидел перед собой... все того же верзилу.

– Землячок... – начал ласково я, чувствуя, как нарастает во мне гнев.

Он протянул мне газетный сверток.

– На, бери!

– Я же сказал тебе, мужик, нет у меня вина.

– Не надо вина, бери так, ешь! – детина сунул мне в руку промасленный пакет и тут же ушел. От растерянности я забыл его поблагодарить. Из пакета пахло чем-то необыкновенно вкусным, я положил его на стол и развернул. Там было полбуханки хлеба, две отварные картофелины, луковица и добрый шмат сала. Колька тут же проснулся, очевидно, от запахов, и, спрыгнув с верхней полки, стал разглядывать свалившееся на нас богатство и радостно потирать руки.

В темноте, даже не зажигая свечи, мы умяли половину принесенного угощения, другую я спрятал в отсек, где было попрохладнее. Вкуснее того сала я в жизни ничего не ел! – огромное спасибо парню.

После разборки в Жмеринке наши вагоны попали во вновь сформированный состав – теперь уже до Бессарабки, и по соседству с нами оказался еще один наш собрат – проводник из Молдавии, с которым мы не замедлили познакомиться.

Бывалый виновоз, он уже после нескольких минут общения с нами все про нас понял, и тут же пригласил к себе в вагон на обед.

Оказавшись в его вагоне, я впервые понял, с какими удобствами можно ездить по железке: в купе у парня были радио и небольшой телевизор с питанием от танкового аккумулятора, везде чисто, удобно, уютно, опрятно и даже занавеска висела на окне. А сколько еды? В

консервах и домашних закрутках. Нам втроем можно было месяц продержаться в этом вагоне, не сходя при этом на землю. Коллега кормил нас два дня, до того, пока наши вагоны не расцепили, и еще с собой пакет еды дал.

Вечером мы расстались с ним в Бессарабке, а уже в середине следующего дня чуть ли не со слезами на глазах лицезрели вырисовывавшиеся вдали очертания родного города.

Так завершился мой первый, он же испытательный рейс. Я похудел за это время на восемь кило, но был совершенно счастлив и, несмотря на некоторые трудности, встреченные нами в дороге, а также полное отсутствие денег, почувствовал вкус к новым поездкам и новым приключениям.

P.S. В этом рейсе мы с Колькой повидали и пережили многое: откровенно наглое воровство и глубокую сердечную доброту и заботу; собственное безоглядное мотовство и транжирство с безудержными загулами в ресторанах, и полуголодное, особенно в последние дни, существование; сексуальное воздержание, изредка перемежающееся настоящими всплесками секса.

Мы побывали в убогих лачугах и московских дворцах; питались в вонючих столовых, а затем нас с почетом принимали в шикарных московских ресторанах; повидали, как люди живут на сто рублей в месяц, и как делают несколько тысяч в два дня; своими глазами наблюдали смерть человека и тут же имели возможность лицезреть, как зарождается новая жизнь – в общем, мы видели саму жизнь во всех ее проявлениях!

P.P.S.

Приехав домой, я ужасно обрадовался, узнав, что Кондрат – мой друг, уже дома, что после восьми месяцев службы его освободили от армии по состоянию здоровья, то есть, как и меня в свое время, комиссовали. Мы встретились, обнялись, помолчали.

– Ты знаешь, все хорошо, все просто замечательно, я ужасно рад, что уже нахожусь дома, среди родных и друзей, – сказал Кондрат, когда мы с ним вечером того же дня устроились в баре за чашечкой кофе. – Но где я теперь буду работать, чем заниматься, вот в чем вопрос?

– Хочешь, приходи, будешь работать вместе со мной проводником, – предложил я.

– Нет, что-то мне не хочется, эта работа, наверное, не по мне, – пожал плечами он.

– Может, ты хочешь работать в баре? – неожиданно высказал я следующую свою мысль.

– Я? В баре? Да кто меня туда возьмет? – недоверчиво улыбаясь, хмыкнул Кондрат.

– Возьмут, – уверенно сказал я. – Если вакантное место найдется, обязательно возьмут. Завтра же пойду к Владимиру Викторовичу, директору торгового центра, поговорю с ним за тебя.

– Это было бы, Савва... О большем я в жизни и мечтать не смею, – с воодушевлением заверил меня Кондрат. – Вот если бы все получилось, и ты опять вернулся в бар...

– Меня пока устраивает и мой бар, бар на колесах, и другого мне пока не хочется, – рассмеялся я. – Ну а как и что будет дальше... посмотрим.

1982 г.

Новелла вторая

Дважды повезло...

*Все трое – Бог, эпоха, случай —
играют в карты – не иначе,
и – то висят над нами тучей,
то сытят блесками удачи.*

Игорь Губерман

Глава первая

Проснулся я в тот день довольно поздно – около четырех пополудни, правда и спать лег уже засветло, – лишь к этому времени закончилась карточная баталия, начавшаяся накануне вечером.

И вместе с пробуждением в сознание вернулся неприятный осадок от карточного проигрыша и защекотал червячком – этой ночью я «закатил» партнерам, как выражаются картежники, около тысячи рублей. Сумма, конечно, не ахти какая, но это было все, что у меня имелось в наличии; вдобавок ко всему, во рту со вчерашнего остался горький сушняк от десятков сигарет самых разных сортов, выкуренных мною в течение прошедшей бессонной ночи, – весьма, доложу я вам, пренеприятное ощущение.

И все же настроение мое, как ни странно, было бодрым, появилось даже некое предчувствие, что сегодня-то я уж наверняка выиграю – внутренний голос нашептывал, что в карты мне везет лишь тогда, когда плохи мои дела на лично– Семейном фронте, а сегодня утром, едва вернувшись домой, я уже успел схлестнуться со своей супругой Мартой в яростном, многословном и совершенно бессмысленном по своей сути споре.

Итак, выбравшись из постели, я первым делом отправился на кухню, достал из холодильника свою любимую алюминиевую пол-литровую кружку, размещавшуюся на полочке рядом с морозильником, залпом выпил почти ледяную воду, затем искупался под душем, почистил зубы, съел огромный бутерброд с докторской колбасой, запил его все из той же кружки растворимым индийским кофе, имеющим, на мой взгляд, какой-то странный, кисловатый привкус; одел чистую рубашку и достал из шкафа свежие джинсы – вчерашние вещи ужасно пропахли сигаретным дымом. После чего, повесив на плечо небольшую спортивную сумку из кожзаменителя с названием «Дельта» – с туполобым упрямством я почему-то считал и теперь продолжая считать, что именно эта сумка когда-нибудь принесет мне удачу, – вышел на улицу и направился в сберкассау.

У меня на счету в банке на текущий момент оставалось около трехсот рублей с мелочью; с каким-то мазохистским упоением я размышлял дорогой: «сгорела хата, нехай горит и тын» – что, в моем случае означало следующее: я проиграл за последнее время все свои основные и оборотные капиталы, так пусть и эти остатки сбережений уйдут, раз уж суждено, туда же.

В нашем городе, следует заметить, в описываемый период происходило что-то вроде карточной эпидемии – практически все его жители играли в триньку, простейшую карточную игру, где каждому играющему раздается из колоды всего лишь по три карты. А затем начиналась игра нервов – разброс в трех картах может быть достаточно велик: от 7 до 33 очков, вне конкурса у нас шла «небитая» комбинация – три шестерки.

То есть игра эта – простейшая по своей сути, была по большей части психологической, так как практически с любыми очками можно было давить на соперника морально, ну и, конечно же, деньгами.

Играли в триньку практически все – и стар, и млад – азарт никому не давал покоя. Играли везде, где только можно: на всех без исключения предприятиях города – в цехах, бытовках, подсобных помещениях и даже в больницах и поликлиниках; в учреждениях, столовых, кафе, магазинах и буфетах; на складах и в кабинетах начальников; в поездах и автобусах – на стоянках и в пути; на вокзалах и автобазах. Играли в парках, на обоих озерах, которые находились в черте города, играли в других местах отдыха – и все это круглосуточно, в темное время при свете керосиновых ламп, фонариков и фар автомашин, а также свечей; ночью – в кочегарках, детсадах и в школах, в подвалах домов, и даже в некоторых кабинетах милиции (сам неоднократно играл ночью с операми); а также в беседках при тусклом свете лампочки – Переноски или же под фонарем; в подвалах и на крышах домов, ну и, конечно же, в квартирах и частных домах.

Играли школьники и пенсионеры, играли военные и рабочие, колхозники и милиционеры, работники торговли и служащие, даже работники рай – и горисполкомов (зампредгорисполкома Шенченко Сан Саныч, например, играл иногда в нашей компании), играли студенты и даже женщины.

Я увлекся этой игрой, будучи еще учащимся техникума, тогда мы играли преимущественно по общежитиям в дни стипендий; в те годы, а это была вторая половина семидесятых, эта игра в нашем городе только зарождалась. Теперь же, к середине 80-х, она приобрела широчайшее распространение и размах – в триньку, повторяю, играли все. Конечно, уровень игры (как и игроков, соответственно) в разных компаниях был совершенно различный, и мы шуточно подразделяли более ли менее устоявшиеся группы по принадлежности к «высшей лиге», «первой» и «второй».

Я, к слову, играл в «высшей лиге»: в этом кругу крутились немалые деньги – ежедневно тысячи и тысячи рублей. Играть в этой лиге могли лишь те, кто ворочал приличными суммами: проводники виноматериалов, в числе которых был теперь и я, водители – Дальнобойщики, автобусники, заведующие складами и базами – короче, все те, что имел в месяц от тысячи и более рублей левых доходов, а таких, как оказалось, в нашем городе было предостаточно.

На нашем уровне и на столь же приличные суммы играли разве еще на автобазах, в других же компаниях и класс игроков был другой – пониже, да и суммы поуже – от нескольких рублей до десятков, реже – сотен.

Порой, когда у меня было свободное время, я отправлялся играть в «первую» и даже во «вторую» лиги, где зачастую сражался с начинающими игроками. Там, среди этих «игруль», где каждый держался за какие-нибудь мало-мальски приличные очки и дрожал за каждый рубль, мне играть было, хотя и не очень интересно, зато выгодно: в результате сотен бессонных ночей, проведенных за карточным столом среди местных «асов» игры, у меня уже выработалось такое чутье, что, посмотрев слабому игроку в глаза, я порой мог в них «просчитать» с точностью до одного очка, какие карты у того на руках. К тому же выработалась привычка играть по многу часов подряд, и зачастую под утро, когда партнеры от усталости начинали клевать носами и утрачивали внимание, начинался мой час – час опытного, матерого игрока, когда я мог, как бы невзначай, скинуть себе (или, еще лучше, тайному напарнику) хорошую карту, а лучше, так и все три, ведь надеяться на Фортуна – даму капризную и весьма ненадежную, не приходилось, зачастую и опыт не помогал.

И все же сегодня, с моим, как я считал, вполне приличным классом игры, я оказался тем, кем был на самом деле – банкротом, то есть прозябал на финансовой мели.

Кассирша отсчитала и протянула мне в окошко вложенные в паспорт и расчетную книжку триста рублей десятками и с улыбкой сообщила, что на счету у меня осталось всего семь рублей с копейками – «на развод».

Я сложил красные десятирублевки вдвое, улыбнулся ей и сказал, что деньги должны работать, а не лежать на счету мертвым грузом, чем удивил ее безмерно – это было весьма необычное для нашего времени заявление, затем сунул купюры в карман и отправился на выход.

Рейсовый автобус привез меня в район Липованки, на улицу Сакко и Ванцетти, в промышленную зону города, где располагаются заводы и строительные организации, тут у нашей компании находилась главная игровая точка – «катран». Но, прежде чем туда отправиться, я заскочил в кафе, расположенное рядом с остановкой, и перекусил дежурным блюдом – гречкой со шницелем, не забыв бросить в сумку шесть пачек недорогих, по 40 копеек сигарет «Дойна», так как ночью, когда игра в самом разгаре, цена за одну сигарету у нас составляет рубль, то есть возрастает в 50 раз против номинала, поэтому всегда желательно иметь некоторый запас сигарет. Покончив тем самым с приготовлениями, я неспешной походкой отправился к небольшому домику, являвшимся одновременно весовой и проходной базы стройматериалов УПТК – именно этот невзрачный на вид, деревянный домик и был нашей игровой точкой.

Часы на моей руке показывали шесть часов с минутами, многочисленные рабочие с сумками и авоськами в руках, закончившие рабочий день и теперь спешащие мне навстречу, обтекали меня, торопясь успеть на городские рейсовые автобусы.

Подойдя к грубой, выкрашенной в ядовито-Зеленый цвет двери, я постучал условным стуком. Внутри послышались голоса, затем у двери завопили, она со скрипом отворилась, и я увидел улыбающегося хозяина «домика» – Ивана Демизогло, невысокого, коренастого, рано облысевшего мужика возрастом немногим за сорок.

Дружески хлопнув меня по плечу, Иван пропустил меня внутрь небольшого, но уютного помещения, где за небольшим столом уже собралось несколько участников предстоящей игры. Обойдя стол, я с каждым поздоровался персонально за руку.

Первым от входа сидел Михаил, огромный мордатый детина, водитель фуры «Совтрансавто»; рядом с ним вальяжно развалился на стуле Николай – водитель пригородного автобуса: оба они были в нашей компании не постоянными игроками, а вроде как приглашенными – на один вечер; далее сидел Костя-Липован – этот был наш постоянный игрок, из деловых, причем за свои темные делишки он пару раз уже успел отсидеть в тюрьме, потому что они – его делишки – каким-то странным образом всегда противоречили уголовному кодексу; далее, рядом с ним сидел Иосиф – начальник участка управления «Сантехмонтаж», молодой, хорошо упитанный, с солидным животиком мужик; следующим за ним и последним по счету восседал Василий Ми-ов – заместитель генерального директора крупного межрайонного предприятия «Сельхозтехника».

На столе перед каждым стояли стаканы с разным количеством налитой в них водки и нехитрая закуска на тарелках – жареная кусками рыба, соленые помидоры, хлеб. Игра пока еще не начиналась, и ребята лениво переговаривались, делились новостями, понемногу выпивали и закусывали, дожидаясь запаздывающих партнеров, в данном, конкретном случае меня.

«Что ж, неплохая компания подобралась сегодня, не скандальная и денежная», – удовлетворенно подумал я, тщательно выбирая себе место для игры, ведь от этого зависело, как масть пойдет; карточные игроки, не исключая и меня, в подавляющем своем большинстве верят во множество условностей и примет, а некоторые даже пользуются талисманами.

– Что ты все эту торбу с собой таскаешь, Савва? – спросил Иосиф, насмешливо указывая на сумку, которую я продолжал держать в руках. – Она у тебя что, вместо кошелька?

Заметив улыбки на лицах товарищей, я сказал шутливо:

– Ты прав, Ес, она у меня вместо кошелька. Поэтому, я бы вам посоветовал, ребятки, по-доброму сбросить все свои денежные знаки сюда, в сумку, и я бы пошел, чтобы не мучить вас, серьезных людей, и не отвлекать от более важных дел. Тем более что сейчас половина седьмого, а в девять я ухожу, так как у меня назначено свидание с дамой.

Этим своим заявлением я окончательно насмешил всех присутствующих, а Есик, не сдержавшись, добавил весомо:

– Что-то я сомневаюсь, что все деньги, которые имеются в этой комнате, в твою сумку поместятся.

Я хмыкнул на его слова, предпочтя в этом случае промолчать, затем стал устраиваться поудобнее на одном из свободных стульев.

Итак, все заняли места за столом, стаканы и тарелки решительно сдвинуты в сторону, и теперь Иван, как хозяин, берет в руки новую, только что распечатанную колоду карт и, потасовав, раздает до туза – так мы определяем, кто будет первым банкометом.

Первые несколько туров были как бы пристрелочно-тренировочными, а затем, собственно, и началась игра.

В банк у нас ставили скромно – по рублю, затем можно было «темнить» – увеличивать проход, обычно троечкой мы поднимали его до пяти рублей – это у нас был договоренный «потолок» и мы почти всегда его придерживались, если не было особых предложений поднять «потолок» повыше, или же играть вовсе без «потолка» – этот вариант у нас использовался чрезвычайно редко, в основном, когда игра затягивалась, и у игроков кончалось терпение, когда все жаждали как можно скорее выяснить, кто же из нас, игроков, самый-самый...

Почему я сказал, что в девять у меня свидание с дамой, и я должен уйти? Не знаю, просто так ляпнул. Дело в том, что у нас принято предупреждать компаньонов заранее, в какое время собираешься уходить, а я со своими тремя сотнями наличных денег не надеялся сколько-нибудь долго продержаться – не тот уровень. Ну а если я и ухвачу что-нибудь до этого времени, можно будет с этой суммой домой свалить, а не дожидаться, когда Фортуна сделает очередной зигзаг и оставит тебя ни с чем. «Если проиграюсь сегодня, – с горечью подумал я, – то самое время уходить в низшие лиги – на озеро или в парк, – повышать квалификацию среди начинающих игроков – мелочевщиков».

Новый кон. Первая рука приглашает: «Ставьте на кон», следующий за ним говорит: «Темню». Роздано. Каждый смотрит в свои карты, Василий заглядывает через плечо в карты своего соседа Иосифа, тот, заметив его маневр, ненатурально возмущается:

– Что такое, Василий Иванович, ты перепутал карты?

– Зачем перепутал, – отвечает тот, усмехнувшись, – в свои я всегда успею посмотреть, важнее прежде познакомиться с картами соседа.

На их словесную пикировку внимания никто не обращает, вот уже несколько лет они – Василий и Иосиф – друзья-товарищи, играют, можно сказать, на одну руку, морально и финансово поддерживая друг друга. Иногда это приносит свои плоды и оба в выигрыше, иногда же они вместе и залетают – по большому счету никто от их сотрудничества не страдает.

«Третья рука», то есть я, бросаю пять рублей на кон, следующий за мной игрок «падает» – сбрасывает карты, теперь очередь Ивана – он тоже швыряет на кон пятерку и «смотрится» со мной – скрыто показывает свои карты, чтобы лишь я один мог их видеть. У него 21 – так называемое «очко», у меня на одно больше, но я, пока не показывая ему своих карт, указываю глазами на колоду, что, мол, туда он должен сбросить свои карты.

Что он и делает, при этом многозначительно приподнимая брови. Это подействовало на партнеров, другие, внимательно наблюдая за происходящим, также побросали свои карты в колоду, и лишь Василий Иванович «вскрылся» – выложил свои карты на стол. У него тоже оказалось 21 и я говорю:

– С Иваном у тебя могла бы выйти свара. – И показываю всем свои карты – 22, два туза.

Я забираю банк и раздаю по новой. Если бы у нас с Василием оказалось поровну – получилась бы так называемая «свара», тогда другие, по желанию, имели бы право вступить в наш спор – каждый доставляет по полкона и игра продолжается.

Первая серьезная свара у нас случилась, когда сразу у троих оказалось по 21. Один, естественно, в процессе «смотрелок» отсеялся, я «заварил» с Николаем, после чего все остальные вступили. Таким образом, в банке оказалось около 300 рублей. Даже не заглядывая в карты, все прошлись, бросая в кон, по пятерке – в надежде, что претендентов после первого круга поубавится. Ан нет, номер не прошел. Все, подозрительно поглядывая друг на друга, продолжают играть. Затаив дыхание, я заглянул в свои карты: ого! – 31 – почти беспроегрышный вариант! – очки немалые. Партнеры по очереди пасуют, остаемся мы вдвоем с Есиком. Я ласково ему так, добренько улыбаюсь и говорю: «Упади, Ес, дай же, черт тебя побери, хоть раз спокойно забрать деньги!».

И, что бы вы думали?

Иосиф, нахально ухмыляясь, бросает передо мной свои карты – 31. Я даже не поверил вначале, что он с такими очками вскрывается, неужели он действительно решил меня пожалеть? Да, видимо так и есть, потому что, увидев мои карты, он удивляется не меньше моего.

И сразу вспомнилась игра недельной давности – дело происходило на озере, когда мой друг и постоянный партнер Жердь, во время свары, оставшись один на один с оппонентом, услышал от него: «Три шестерки» – очки небитые, высшие, то есть. Жердь пожевал губами, помолчал пару секунд, затем невозмутимо открывает свои карты и говорит: «Свара». И действительно, все увидели, что на руках у него тоже три шестерки. Что тут началось, словами не передать! Шести шестерок в одной колоде ведь не бывает, какая уж тут свара, понятно, что кто-то из двоих смухлевал. И пошла у нас потасовка, ну и мне пришлось вступить за товарища, – кулаками отбили банк.

Жердь вон, до сих пор с синяком под глазом ходит, зато деньги мы тогда все же забрали, а карты я в общей заварухе словно ненароком смешал. На всякий случай. Потому что Жердь свои три шестерки, собранные из другой колоды, вынул, естественно, из рукава.

Итак, у нас с Иосифом свара. А на кону 400 рублей с лишним. Все вступают по полкона, то есть по 200 с мелочью. В итоге набирается полторы тысячи. Разыгрываем эту сумму, в результате чего кучка с деньгами заметно подрастает. И вновь по окончовке розыгрыша у меня свара. Теперь с Василием – по 22, у меня два туза, а у него три карты одного цвета – красного, бубны, аж в глазах зарябило – это, к моему счастью, маленькая тринька, 6, 7 и 9 – одной масти = 22. Вновь вступивших – трое, да нас двое – всего пятеро.

Теперь на кону лежит четыре с половиной тысячи рублей – сумма приличная. Когда я в очередной раз начинаю тасовать карты, наступает тишина. Все нервно курят и следят за моими руками. Просто так следят, для порядка: в нашей компании не принято быстротой рук "исправлять ошибки Фортуны", как говаривал когда-то завзятый картежник Федор Толстой, – себе дорожке выйдет. Как-то раз один залетный шпилевой из Кишинева, играя с нами, попытался по ходу игры карты передернуть, колоду «зарядить». Тогда Иван – заведующий базой, он же хозяин «катрана», отпер сейф и, достав оттуда пистолет, передернул затвор и сказал: «Положи деньги на стол, дятел, и пошел вон отсюда». Что тот и сделал, конечно.

Итак, вновь свара. Я, как непосредственный участник трех предыдущих свар, понимаю, что везение и хорошие очки – это не бесконечно, в четвертый раз запросто могу пролететь. С замиранием сердца смотрю в свои карты – всего 19. «Девки» – как говорят картежники. Настроение упало почти до нуля. Так я и знал. Это при игре в «двадцать одно» – «девки» – 19, зачастую очень даже неплохо, а в триньке... Не меняя выражения лица, внимательно всматриваюсь в лица друзей-соперников.

Конечно, вид у всех уверенный, лица будто каменные, при этом никто не сбрасывает карты и не смотрит с соседями. Я продолжаю игру уже скорее из принципа: сам наварил,

сам и расхлебывать буду, не бросать же игру теперь, на полпути, да и сумма в банке немалая... Жидкая кучка пятерок у меня под рукой безнадежно тает, других денег нет, а занимать во время свары в нашем кругу не полагается, разве что вскрыться дадут.

На кону уже под пять тысяч, что и говорить – игра крупная, нервы у всех напряжены до предела. Есик, сидящий напротив, внимательно мне в глаза глядит, с моей рожи информацию пытается считать. Ну и дурень же он, не туда смотрит: вряд ли именно я ему или же кому-либо другому конкурент; слева, жадно затягиваясь дымом сигареты, кидает в банк пятерки Костик-Липован.

После «смотрелок» мы остаемся втроем.

– Дай разок потянуть, – тянется Есик к сигарете Костика.

– Потерпи, она пока больше моего хера, – грубит, нервно отдергивая руку с зажатой в ней сигаретой Костя и, отодвинувшись от стола, продолжает бурчать что-то сквозь зубы. Я различаю слова: «Дай ему потянуть... мерину фартожопому... еврейская морда...». Впрочем, никто на его слова внимания не обращает: все мы знаем, что он это не со зла так говорит – просто минута уж больно напряженная.

Держа под контролем Есика, Костик в то же время своим правым немигающим стеклянным глазом в мою сторону косит, словно рентгеном просвечивает.

Я-то вижу по физиономиям партнеров, что с очками у них тоже негусто, ну а что, если у Есика – 20, а это всего лишь парочка одноцветных картинок? Этого будет вполне достаточно, чтобы он забрал банк, уж лучше было бы, если у нас с ним окажется поровну и тогда – вновь сваря, и с ней – новая надежда. Неожиданно Костик вынимает изо рта сигарету с изжеванным фильтром, с размаху вставляет в зубы Есику, свои карты бросает на кон и смачно сплевывает на пол:

– Жрите мое мясо, гады, пейте мою кровь.

Иосиф невозмутимо пускает дым изо рта и через нос, затем роняет на кон очередную пятерку.

– Вскрывай, змей, – говорю я ему, но он мои слова игнорирует, глубокомысленно молчит. Теперь мое слово, я беру свою последнюю пятерку и со словами: «Выдоит же все до последней копейки, гад!» накрываю ею банк. Затем открываю карты и говорю: «Девки». Одним глазом слежу за Есом, другой от волнения и напряжения прикрыл – так легче пережить нокаутирующий удар.

Есик медленно, очень медленно переворачивает свои карты. Ну, еще секунда и я могу отправляться домой, хотя не только девяти, и восьми часов еще нет, а я уже пустой, как барабан.

Я не боюсь проигрышей. За эти годы и проигрывал и выигрывал немало. На протяжении двух лет, до того как устроился работать в бар, я только за счет карт и жил, при этом питался исключительно в ресторанах да еще семью содержал, так что, по большому счету, выходит, не проигрывал. А как-то, помню, всего за одну ночь, играя вместе с товарищем своим, Жориком Сливой, проиграли мы на двоих одиннадцать тысяч рублей! Играли на одну руку, оба и влипли. У него дома, причем. Вот это была ночка! Вот это был улет! А ведь нас обоих в тот период все картежники в городе называли фартовыми игроками, везунчиками! Влипли, вот и все! Потому что непобедимых игроков не бывает!

Я вглядываюсь в карты соперника и глазу своему не верю. Открываю второй глаз – та же картина: на картах Еса всего 18.

Я с удивлением оглядываю партнеров – у них лица словно обмороженные и при этом все молчат. Это... это же получается, что я выиграл!? Глаза мои еще не верят, а руки уже начинают действовать: я поднимаю с пола свою сумку, расстегиваю змейку на всю длину, и одним движением руки от кисти до локтя смахиваю в нее со стола сотни разноцветных бумажек, оставляя несколько купюр для продолжения игры.

Все одновременно закуривают, кто-то наливает в свой стакан водки, кто-то шумно вздыхает и начинает обсуждать перипетии игры. Пять с лишним тысяч в одной сваре! Давно такого не было, я уж и не припомню, когда в последний раз такая сумма на столе собиралось.

– Савва, давай сюда свою сумку, забирай мою машину, – цедит сквозь зубы Костя. Он уже две недели ищет покупателя на свой подержанный «жигуль», собирается приобрести другой, поновее. Я не отвечаю – от немого восторга перехватило дыхание. После перекура все нехотя возвращаются к игре.

И тут госпожа Фортуна и вовсе повернулась задницей ко всем, кроме меня. Иван, открывая сейф, достает оттуда очередную стопку денег и говорит удивленно:

– Ребята, вы не знаете случайно, зачем я тут с вами сижу? Ставлю и ставлю на кон, а все без толку...

– А ты Иван, – не удержался и пошутил я, – используй олимпийский принцип: главное – не выигрывать, а участвовать.

И пошла у нас игра удивительная: в раздачах еще куда ни шло – выигрывает то один, то другой, а как только случается свара, один я деньги забираю, – раз за разом. Развязка наступила к девяти вечера – к этому времени ни у кого на руках не осталось ни рубля.

Такого случая, чтобы все деньги ушли в одни руки, я тоже что-то не припомню. И, конечно же, – а это особенно приятно, – что именно в мои. А чтобы игра закончилась в девять вечера – такого вообще не бывало. Все мои партнеры в растерянности, если не сказать в шоке. Никто из присутствующих не помчался, к моей радости, домой за деньгами, и никто свеженький с улицы с пачкой купюр в компанию не влился.

Я застегнул сумку, ногой небрежно пододвинул ее под стул Василию и говорю:

– Разрешите, братцы, в туалет сходить, побрызгать. – И вышел. Специально сумку в комнате оставил – Василий парень абсолютно порядочный, да и мне выказывать недоверие к компаньонам ни к чему.

Вернувшись, остановился перед дверью и стал слушать.

– А ну подтолкни, Василий, сумку ко мне, – слышится бубнящий голос Кости. – Надо ему ее ополовинить – этому маланцу слишком жирно будет, все наши деньги забрал.

Вася не отзывается, у него, судя по всему, нет настроения отвечать.

Голос Иосифа: «Придется теперь, бляха, километр труб продавать, клиент меня давно просит. Дожился, блин, деньги в доме под ноль кончились, жене на хозяйство нечего выделить».

«А у меня, – вторит ему Василий Иванович тоскливо, – е...ть меня в сраку (это у него любимое выражение такое), профсоюзные деньги, полторы тысячи улетели. Кроме своих, естественно, не помню уже, сколько в кармане было».

– Было и сплыло. Ты себе еще наворуешь, – одновременно сердито и горестно вздыхает Костик. – Не зря ведь ты профсоюзный деятель. А я вот машину сегодня продал за четыре тыщи, и три только что просадил этому..., хорошо, хоть тысячу дома заныкал, но жена все равно убьет меня, как узнает.

«Ага, – сообразил я, – значит, Костик свою машину уже продал, а мне всего лишь несколько минут назад ее купить предлагал».

– А я, – наступила очередь Ивана плакаться, – продам завтра– послезавтра кубов тридцать– Сорок бетона с раствором, и все будет в порядке – восстановим баланс. – Голос его тверд, Иван оптимист, он никогда не унывает.

Я начинаю громко на месте топтать, затем толкаю дверь и вхожу в комнату. Все с грустью взирают на меня. Николай – водитель сидит подавленный, голову опустил, руками по карманам шарит, в который уже раз выворачивает их наружу – никак не может поверить, что они пусты. Мишка тем временем разглядывает свои огромные, словно клешни, ладони, затем оборачивает ко мне лицо и спрашивает:

– Ты, Савва, какой дорогой домой пойдешь? Давай-ка сразу садись ко мне в машину, вывезу тебя в лес...

– А больно тебе не будет, когда мы вдвоем в лесу останемся? – беззлобно отозвался я, и Мишка, кисло усмехнувшись, умолкает.

– Если других предложений нет, – бодрым голосом заявляю я, поочередно оглядывая партнеров, – то на сегодня закончим. Благодарю за игру, господа-товарищи.

Подойдя к тумбочке, я наливаю себе сто граммов водки, залпом выпиваю, на секунду зажимаюсь, затем закусываю куском жареной рыбы. У Ивана это дело поставлено четко: выпивка и закуски добротного качества каждый день бесперебойно подаются сюда, прямоком в его кабинет, специальный человек на базе полный рабочий день этим занимается.

Конечно, на шуточки и подколки друзей я не обращаю внимания, но не все и не всегда так гладко проходит в игре, особенно, когда в ней задействованы большие деньги. Недавно, например, в Кишиневе во время карточной игры зарезали спортсмена-Дзюдоиста по фамилии Мунтяну. Парнишка совсем, и 20-ти лет ему, кажется, не было, а он, между прочим, чемпион Европы среди юниоров, мастер спорта СССР международного класса. А ведь зарезали хладнокровно, хотя, наверное, он своих партнеров тоже друзьями считал.

– Если кто желает присоединиться и отправиться вместе со мной в ресторан, – предложил я, – приглашаю. За мой, естественно, счет. Объявляю день открытых дверей: каждый заказывает что пожелает.

Я поднял сумку, поставил ее на стол и, не удержавшись, сказал Иосифу:

– А ты, коллега, сомневался, что все деньги сюда поместятся. Зря, выходит, сомневался. Видимо, надо было тебе больше денег с собой брать.

– Там и так больше чем достаточно, – досадливо сморщившись, бормочет Ес, натягивая сбившийся свитер на свой выпуклый живот.

Сумка приятно оттопыривается с обоих боков и кажется полной. Или почти полной. Я любовно охлопал ее со всех сторон, аккуратно подравнял и на плечо повесил.

Иосиф и Василий Иванович в ресторан ехать отказались, наверное, отправились вырабатывать план, как бы поскорее отыграть свои денежки обратно, или же от огорчения пошли «зализывать раны» в другое злчное место. Что ж, как шутят в нашей компании: «Баба с возу, а семеро одного не ждут».

Мишаня, как и обещал, посадил меня к себе, Костя и Николай сели к Ивану, и двумя машинами в несколько минут мы добрались до ресторана.

В здании ресторана в этот час по какой-то причине не было света, но мы были с почетом встречены у входа добродушным великаном швейцаром дядей Лешей, который вручил нам толстую зажженную свечу; освещая ею путь, мы поднялись на второй этаж.

Необычность ситуации немного развеселила моих товарищей, и, смеясь, вереницей, следуя за Иваном, факелоносцем, мы прошли через весь зал, направляясь к эстраде, где, судя по количеству свечей на столах, собралось большинство посетителей.

Оркестр, естественно, молчал, и потому голоса немногочисленных клиентов ресторана переплетались в причудливый монотонный гул: бу-бу-бу. Мы заняли одну из свободных кабинок, я бросил сумку под ноги и для надежности прижал ее к полу обеими кроссовками; почти сразу же к нам подошла невысокая, хорошо сложенная девушка по имени Виктория – моя любимица (и любовница) среди всех прочих официанток. Она поздоровалась, затем незаметно для других дружески ткнула меня кулаком в спину, после чего установила на нашем столе сразу две толстые зажженные свечи в небольших вазах из-под цветов и сказала:

– Извините, у нас только минут десять, как пропал свет, обещали, что скоро исправят, но, возможно, придется какое-то время отдыхать при свечах.

– Ничего, – сказал Иван, устраиваясь поудобнее на своем стуле. – Так интереснее и даже романтично. Вы несите нам скорее: из еды – что еще осталась на кухне – самого горячего, а пить – самого холодного, а свет нам не требуется – мы люди темные, нам и без него комфортно.

Мы одобрительно загудели, добавить к его словам было нечего.

Через несколько минут на столе перед нами стояли тарелки с горячими отбивными и жареным картофелем, салаты, закуски, а так же, как и было договорено, по бутылке алкоголя на брата: я заказал себе бутылку коньяка, Иван – шампанского, Николай – водки, Миша, видимо, следуя моему примеру, тоже бутылку коньяка.

– Пойду по твоим стопам, Савва, – сказал он, откупоривая свою бутылку. – Может, в следующий раз фарт будет на моей стороне, и я тоже набью сумку деньгами.

Сказал, и тем самым напомнил всем о недавней баталии за карточным столом. Партнеры, понятное дело, в расстроенных чувствах понурили головы и, несмотря на хорошую выпивку и подходящую закуску, загрустили.

Я же, наоборот, пребывал в возбужденно-приподнятом настроении, поэтому без конца шутил и острил, изо всех сил стараясь развлечь и расшевелить своих спутников.

В обычном застольном трепе прошло около часа, затем загорелся свет. Были погашены свечи, на сцене появились музыканты. Вскоре заиграла музыка, клиенты стали танцевать, а мои партнеры тем временем, опустошив свои бутылки, засобирались домой.

Я тоже поднялся из-за стола, не пить же в одиночку, тем более что внизу, в баре, сегодня работал Кондрат, единственный близкий мне человек, с кем я мог поделиться радостью выигрыша.

Подошла Виктория, я попросил ее подбить сумму, потом поднял и водрузил сумку на стол, расстегнул молнию, и глаза Виктории округлились от увиденного: сумка была полна цветными бумажками. Вика почеркала что-то в своем блокноте, и хотела уже, было, назвать сумму, но я жестом остановил ее, сунул руку в сумку, достал жменю смятых денежек размером с кулак и горочкой выставил перед ней на стол.

– Если сочтешь, что этого достаточно, – сказал я, без улыбки глядя на нее, – забирай, и мы в расчете. – Если же тебя такой вариант не устраивает, получишь точно по счету и не копеечкой больше.

На лице Вики отобразилась мучительная борьба, она, кусая губы, беспомощно взидала то на меня, то на моих товарищей. Мои партнеры также с интересом, но молча наблюдали за происходящим (сказывалась выдержка карточных игроков) и реакцией Вики на мое предложение.

Конечно, девушка наверняка видела и 25–Рублевку, одним уголком торчащую из кучки, и бледные рублевые бумаженции, которых здесь было большинство, и другие купюры, но все же не решалась сделать выбор, а я ее не торопил. Всего, мне думается, с нас Вика должна была получить рублей 80, и теперь она лихорадочно соображала, наберется ли необходимая сумма в этой кучке денег или же нет.

Наконец девушка, бросив на меня гневный взгляд, одним движением руки, не хуже заправского картежника, сорвавшего банк, подхватила деньги со стола и тут же ушла. Ребята пожали мне на прощание руку, я, в свою очередь, поблагодарил их за удовольствие от проведенного нами вместе вечера, затем отправился внутрь служебного помещения – повидать Вику. Она пробивала что-то на кассе, когда я подошел сзади и мягко обнял ее.

– Ну что, хватило денег? – прошептал я ей на ухо, царапая нежную кожу ее шеи своей небритой щекой.

– Савва, – девушка повернулась ко мне лицом. – Ты с этими деньгами так меня напугал – никак не могла решиться, брать или не брать.

– Ну же, признавайся, тебе той кучки хватило? – опять спросил я.

– Да хватило, хватило, – ответила она и мягко улыбнулась.

– Вот и отлично, – успокоился я. – А то я вот пришел, хотел добавить, подумал – вдруг там оказалось мало.

– А откуда у тебя столько денег? – спросила Вика, кивая на сумку, висевшую на моем плече.

– А, это... – усмехнулся я. – Понимаешь, наши ребята избрали меня банкиром, сбросились капиталами и дали мне их на время поносить. Они, конечно, надеются получить свои денежки обратно, причем очень скоро и даже с процентами.

Девушка ничего не поняла из моего объяснения, но кивнула и побежала по своим делам. А я лишь хотел этим сказать, что когда кто-либо из нашего круга выигрывает приличную сумму, то его, начиная уже со следующего утра, неумоимо преследуют партнеры, предлагают войти в игру, делают различные заманчивые предложения, и так до тех пор, пока этот человек не проиграется или же не купит какую-нибудь ерунду втридорога, и лишь после этого интерес со стороны партнеров к нему ослабевал.

По служебному ходу я спустился на первый этаж и вошел в бар, где приветствовал орудовавшего за стойкой Кондрата. Прошел всего месяц, как он вернулся из армии, и вот вам, пожалуйста, 19-летний юноша, практически без образования, работает барменом. Спеша поделиться с другом радостью победы, я, веселый и счастливый, уже открыл было рот, но мне не удалось поразить его – кто-то из моих карточных партнеров, спустившись накануне из ресторана в бар, уже рассказал ему о моем выигрыше, ведь все в городе знают, что мы с Кондратом друзья.

Многозначительно ткнув пальцем в сумку, мой товарищ спросил:

– Все здесь?

– Не все, – ответил я. – Остальное в мешках. – И я указал пальцем на полукружья под глазами.

Мы рассмеялись, затем я оглядел полупустой бар и спросил его:

– Разрешешь мне занять на полчаса подсобку? Сложу купюры, подобью сумму.

Кондрат кивнул: «валяй», и я прошел в небольшую, но уютную подсобку, раскрыл сумку и вывалил деньги на свободную полку стенного шкафа, а сам уселся на мармит – это, кто не знает, такая электроплита, которая здесь, в баре, служила нам стулом.

Прежде чем заняться подсчетами, я с умилением осмотрелся по сторонам, так как все в этом помещении – оборудование, мебель – было установлено моими собственными руками и напоминало мне о годах, проведенных в этих стенах.

Вздыхнув, я принялся за дело, и вскоре сложенные и перевязанные в пачки по номиналам деньги уже не производили на меня такого впечатления как прежде, и объем они занимали теперь значительно меньший, ну, может быть, едва прикрывали дно сумки. От общей суммы я отстегнул три сотни, которые у меня были до игры, чтобы подсчитать чистый выигрыш, который в итоге составил десять тысяч шестьсот семьдесят пять рублей, – сумма, надо сказать, вышла против моего ожидания довольно приличная. Во время обсуждения выигрыша в зале ресторана мои карточные партнеры предполагали, что она должна была быть еще большей, до тринадцати тысяч, однако по опыту я хорошо знал, что каждый, называя сумму, с которой пришел на игру, привирает, и все же даже на такой выигрыш не рассчитывал.

Кондрат вошел с подносом грязных стаканов и, поставив его внутрь мойки, спросил:

– Ну, как?

– Десять штук в чистом виде, – ответил я, встряхивая сумку.

– Да, – без улыбки покачал он головой, – впечатляет. На эти бабки можно новую машину купить. Даже в баре целый год надо отпахать, чтобы такую сумму набрать, и это при всех прочих благоприятных обстоятельствах, а простому работяге пять-шесть лет работать...

– Да-да, брат, понимаю, а я заграбастал их всего за два с половиной часа, – прервал я его излишняя, затем мягко добавил: – Ну да ладно, что говорить об этой ерунде. Я уверен, что ты

рад за меня, и это главное. Кроме того, ты же знаешь, это – всего-навсего карточный выигрыш и этим все сказано. – С этими словами я небрежно опустил сумку на пол.

Глава вторая

*С какой-нибудь из дивно зрелых дам
пускай застигнет смерть меня на ложе,
окликнет Бог меня: Ты где, Адам?
а я ему отвечу: Здесь я, Боже!*

Игорь Губерман

Ногой я подпихнул заметно похудевшую сумку под мойку, и мы вышли из подсобки вместе – Кондрат остался за стойкой, я присел напротив и попросил у него стакан соку.

Клиентов в баре оставалось всего шестеро: две пары и двое одиночек. Я уже хотел было предложить товарищу придумать какую-нибудь причину, по которой их можно было бы побыстрее спровадить, затем закрыть бар и отправиться на поиски дам, которые могли бы помочь нам скрасить остаток так удачно начавшегося для меня вечера, когда с улицы в бар вошли три женщины, и помещение тут же наполнилось их смехом и шуточками, и даже сама атмосфера мгновенно прониклась каким-то необыкновенным женским очарованием.

Женщины эти, – я бы сказал ранне-зрелого возраста, под тридцать, – были мне немного знакомы. Они были женами офицеров, служивших в нашей воинской части, на почве чего, вероятно, и сдружились между собой. Судя по моему первому впечатлению, эти дамочки сегодня пребывали в прекрасном расположении духа, смех и выпитый накануне алкоголь раскрасил их лица, но они не перешли еще ту грань, когда женщина в своем опьянении порой бывает неприятной. Они и прежде, порой с мужьями, а иногда, как, например, сегодня, без них, приходили в ресторан или бар повеселиться, развлечься и отдохнуть. Как-то раз мне даже случилось двоих из них провожать домой, благо жили они неподалеку от ресторана. Насколько я знал, у одной из них, Марины, было двое деток, у другой – Тамары – один ребенок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.